

РОН

ПОПЕОРН

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

ОПЫТ

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КОММУНИКАЦИИ**

Рон Полборн

**Информационное обеспечение
принятия решения**

«Автор»

2024

Полборн Р.

Информационное обеспечение принятия решения / Р. Полборн —
«Автор», 2024

Автор пытается не отклоняться от основной темы исследования. Однако логика изложения диктует свои правила. Именно с этим связано периодическое затрагивание вопросов, которые как бы не имеют к основной теме значимого отношения. Кроме того, желание быть понятым потребовало неких отклонений, оправданных, как кажется, контекстом основной темы. И еще. С момента публикации результатов начальных исследований, позиция автора по многим вопросам изменилась. И он надеется в лучшую сторону. Впрочем, об этом лучше судить читателю, которого автор всегда пытался спровоцировать на размышления и осмысление. Это и было его основной целью.

Содержание

Предъуведомление	5
Раздел 1.	7
1. Проблема ...? быть может всего лишь информационная...? – information problem	7
2. Вопрос-вопрос..., ответ-ответ...; страх и любопытство	13
3. Неопределенность – uncertainty.	19
5. Информация – information	37
6. Зависимость	42
7. Контекст	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рон Полборн

Информационное обеспечение принятия решения

Предъуведомление

Человеку надо мало: чтоб искал и находил. Р.Рождественский

В компьютерном раю, ..., не хватало лишь одного – осознания его обитателями истинного положения дел. С. Лем

Когда мы имеем дело с решением мы, в первую очередь, имеем дело с его информационным обеспечением. Более того, процесс информационного обеспечения столь похож на процесс принятия решения, что их можно спутать и... ошибиться.

Начиная с осознания проблемы, формирующейся неопределенности и стремления ее разрушить, субъект движется к решению через появление и отбрасывание его вариантов, до, как ему кажется, окончательного и верного, с верой в достижение желаемого результата, после его воплощения. В конечном итоге, оказывается, что критерием оценки принятого решения могут быть только последствия от результатов принятого решения, последствия в виде преобразования субъекта, проблемы и условий существования, последствия, которые безразличны к субъективным желаниям и устремлениям субъекта и тем выражающим свою объективную необходимость.

В действительности, каждое решение субъекта неожиданно и, в какой-то степени, сенсационно. И это при том, что всем известно – для принятия решения каждому необходима информация о -

– проблеме, которую необходимо решить – первый блок. Примечание. Эта информация из различных источников и в том числе произведенная самим субъектом, в очень незначительной части соответствующей действительности;

– самом себе, своих устремлениях, ради которых субъект готов пожертвовать тем, что у него есть; осознанных, сформулированных убеждениях и взглядах, которые, в своей совокупности, выражаются в отношении к окружающей действительности – второй блок. Примечание: Эта информация обычно считается результатом «жизненного пути» субъекта, его индивидуального опыта; оценки этого опыта на основании его «столкновения» с социумом, его коммуникации с ближним кругом;

– об условиях конкретной жизненной ситуации, в которой он находится здесь и сейчас, тенденциях ее эволюции – третий блок. Примечание. Эта информация часто является кратковременной, эмоционально насыщенной и взрывной по отношению к принимаемому решению.

При этом никакая информация только какого-то одного блока не может стать основой принятия решения. Для этого необходимо «схождение» всей имеющейся информации, создание кумулятивного эффекта, когда принимаемое решение воспринимается как момент истины. В действительности, в такой момент – кайрос – субъект оказывается перед необходимостью принятия решения, действовать для выхода из сложившейся ситуации – конкретной жизненной ситуации – когда проблема вдруг осознается целиком, как невозможность дальнейшего существования в существующих условиях. И это при том, что вся информация из всех блоков в своей совокупности и взаимодействии является результатом интерпретации полученных субъектом сведений, осуществленной под управлением доминирующего контекста – «так жить нельзя. Она носит субъективный, оценочный характер, достоверность и убедительность которой блокирует саму возможность критического пересмотра, а формулировка реше-

ния ощущается как момент истины, сопровождаемый эмоциональным импульсом, которому нечем противостоять.

Субъект принимает это фактически *онозитивное (opposite decision) решение*, в той или иной степени противостоящее его предшествующему существованию. Ему может показаться, что он сразу и разом решит все накопившиеся проблемы, в которых он винит кого угодно или что угодно. Но не себя. И это будущее решение становится его доминирующим контекстом, который, по сути, *безразмерен (dimensionless)*, в том смысле, что не может быть измерено ни количественно, ни качественно, всегда субъективен и достоверность которой не проверяема. Главное в таком решении – оно должно быть одновременно объяснено, обосновано и оправдано, дабы управлять будущими действиями и успешно противостоять накопленным стереотипам поведения.

Субъект уверен в том, что его решение есть результат осмысления всей возможной информации и предсказания развития той проблемы, в которой он оказался. Однако, возможно, что уже потом, после того, как решение принято и воплощено, к субъекту придет понимание этого решения – это была лишь реакция на сформировавшуюся в тот момент неопределенность и попытка ее разрушить.

...

Почти всегда трудно понять, почему человек так поступил, почему принял такое решение, которое, кажется невероятным или, по крайней мере, не очевидным. Возможно ключ к пониманию находится в отслеживании процесса принятия решения и того, как субъект обеспечивает его информацией. Каждый прошел этот путь – от осознания проблемы, поиска сведений о ней, их интерпретации и получение необходимой информации, достаточной для определения своих целей и задач, а, следовательно, порядка и характера будущих действий.

Все просто и понятно. До очевидности. Но как раз эта простота и понятность настораживает. Если все так просто и понятно, то почему так много неверных решений, т.е. решений, приведших к не желанным результатам.

Мир постоянно сотворялся злыми или добрыми действиями людей. М.Элиадэ
Разгадка близка. Г.Бигер

Раздел 1.

1. Проблема ...? быть может всего лишь информационная...? – information problem

Спасет нас только разворот в еще не возникшую – (изначальную) сущность истины... М.Хайдеггер

Возможно, первое, что человек создал сам и для себя, а затем и для всех остальных – проблему, ставшую последствием его неизбежного тщеславия – хочу все знать. Как будто больше нечего было делать, как пытаться понять, что это за дерево познания? И почему нельзя есть его плоды?

Все же не хочется обвинять человека в том, что он сам есть причина и следствие своих дел. Он создает свои проблемы, которые, впрочем, проблемами являются только для него одного. Для всех остальных это вовсе не обязательно проблемы, а если кто-то и соглашается называть «твои проблемы» проблемами, то скорее всего этот кто-то понимает под этим совсем другое. Если, конечно, не лукавит. Итак, что же субъект называет проблемой?

Чаще всего некое сложное положение, ситуацию, стечение обстоятельств, которые как-то угрожают ему или препятствуют продолжению его комфортного существования. А отсюда и неизбежный поиск причин происходящего и, в том числе, виновного-врага, того, кто все это придумал и использует в собственных и, конечно, корыстных, интересах.

Ему труднее всего «увидеть» в проблеме последствия своих действий или естественной эволюции условий существования. В любом случае проблема беспокоит, «требуется» каких-то действий, противодействия всему тому негативному, что она в себе несет. И первая реакция ... попытаться найти сведения о проблеме, ответить на вопросы о причинах, возможных следствиях и угрозе.

...

Все, что субъект может использовать для принятия решения можно разделить на две, принципиально различные, группы -

- то, что есть и объективно существует, является сущностным – сведения, факты, характеристики, данные и т.п.; объективные параметры, не зависящие от субъекта и управляющие им и его восприятием,

- и то, что есть, но не существует, то, что субъект сам производит, то, что «принадлежит» только ему, порождается им, управляется им и управляет им - информация о проблеме, самом себе и условиях существования здесь и сейчас; те ценности, которые значимы для него – «изобретенные» им зло, добро, совесть, честь и т.п.

Все это необходимо для принятия решения и может стать основой для принятия решения в случае наделения господствующим значением, абсолютной и недоказуемой значимостью, превращаясь, в конечном итоге, в самостоятельную «силу» принятия решения, наделив ее само-оправдательной рациональной значимостью.

...

Если это так, то сразу проявляется коварство того пути, который субъект избрал и который обманывает, уверяя – если ты обладаешь необходимой информацией, то -

- сможешь решить все стоящие задачи – ведь ты всегда решал все свои (да и чужие) задачи с помощью информации;

- понимаешь, что происходит, знаешь причины и возможные последствия;

– знаешь, как следует решать задачи и как можно найти верный ответ на тот вызов, который «бросает» тебе ситуация;

– твоего практического опыта вполне достаточно для правильного решения, его обоснования и доказательства его истинности, т.к. все предыдущие задачи (за редким, и, конечно, случайным, исключением) были решены без ошибок;

– а полученные результаты соответствовали поставленным целям.

Остается самое простое – позволить себе собрать все, что можно о проблеме, ситуации и своих возможностях. И тогда полученное убедит тебя – нужно принимать решение. Иначе все новые, накатывающие на тебя, ситуации грозят превратиться в снежный ком «умственного тупика», некоего кризиса.

С точки зрения информационного обеспечения принятия решений, кризис – это такой этап эволюции системы субъект-проблемная ситуация, когда решается вопрос – способна ли система сама «решить» свои противоречия или нет, когда необходимо принять решение в условиях недостаточного количества качественной информации. В результате происходит утрата управления эволюцией ситуации и возникает реальная угроза не просто невозможности принять решение и «устранить» проблему, но и потери собственной идентичности.

Для субъекта это принципиально. Субъект ощущает, как парадоксально возрастание количества альтернатив разрешения кризиса. Вот только при этом его участие все менее требуется. Он утрачивает контроль над изменением ситуации.

*На перекрестке трех дорог
Стою не в силах я шагнуть,
Куда идти, где этот знак,
Что мне укажет верный Путь.
Но древний камень в землю врос,
А надпись стерлась от годов,
Мне некому задать вопрос,
И на дороге нет следов. С.Коробченко*

...

Вероятно, любую проблему можно считать информационной. И других проблем не бывает. То, что субъект считает своей проблемой, зачастую является лишь вопросом, который «приходит» к нему и на который здесь и сейчас он не может дать однозначного ответа. Эти вопросы чаще всего неожиданны и связаны с конкретной жизненной ситуацией, которую легко назвать проблемной и которую почти никто и никак не связывает со своими предшествующими действиями. Куда проще и понятнее считать себя «жертвой», вынужденной искать ответы на «проклятый» вопрос «что делать?».

человеческие сообщества создают культуру в результате ошибок, неудачных попыток, промахов, заблуждений и недоразумений. Люди, намереваясь сделать одно, в действительности делают совсем другое; стремясь досконально разобраться в механизме явлений, они толкуют их неверно; в поисках истины скатываются ко лжи – и так возникают обычаи, нравы, святыни, вера, тайна, манья; так возникают заветы и запреты, тотемы и табу.

Словом, поступая бог весть как, неправильно, несовершенно с точки зрения приспособляемости, ложно оценивая поведение других людей, собственного тела, сил природы, считая предопределенным то, что произошло ненароком, а то, что предопределено, – чистой случайностью, то есть выдумывая все больше несуществующих явлений, люди обстраиваются культурой, по ее понятиям переиначивают картину мира, а потом, по прошествии тысячелетий, еще и удивляются, что им в этой тюрьме недостаточно удобно. С. Лем

...

мы повсеместно остаемся лишь в прологе начала... М.Хайдеггер

И тут сразу возникает неизбежная путаница. Чаще всего информационная проблема – это переизбыток информации, зависимость большинства от информационных технологий, целенаправленная, умышленная фильтрация информации, программирование неспособности ее осмысливать, управляющее воздействие информации на большинство потребителей и т.п. И следует признать – все это вполне реально существует, создавая «ткань» пространства коммуникации, в которой информация превращается в средство управления, а скорее манипуляции, субъектом и социумом.

Существование человека подчинено исполнению информационных программ, единых для всех, среди которых первое место занимает программа самосохранения, которая вовсе не равно программе выживания, хотя и очень похожа на нее. А.Кайрос

И вот уже информацию обвиняют в агрессивности и жестком подавлении, в угрозе не просто некой абстрактной свободе человека и его правам, а в абсолютном управлении формированием, восприятием и поведением субъекта. Однако все это связано не с информацией, а с ее использованием для управления субъектом и социумом.

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слышать ли?

Красавина. Войны не слышать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху. А.Островский

...

Информационная проблема для субъекта

Действительная проблема субъекта в необходимости избавиться от проблемы.

П.Сэлфинг

Для субъекта информационная проблема – в отсутствии необходимой информации или наличии информации вызывающей сомнения в ее достоверности. Это и проблема производства информации и ее использования для принятия решения. Чаще всего она возникает в связи с той конкретной жизненной ситуацией, которая требует своего разрешения, т.к. в ней существует некое противоречие, чаще всего между «надо что-то делать», с одной стороны, и непониманием «кто виноват?», «что делать?», «как делать?», с другой. При этом субъект погружается в неопределенность своих действий, будучи уверенным – действительная информация непременно приведет к неизбежному разрешению проблемной ситуации на основании «правильного решения».

При этом чаще всего он достаточно обобщенно понимает, что такое информация, относя к ней все, что воспринимает, «скачивает» из действительности, считывая ее данные, сведения,

параметры и т.п. Более того, почти сразу он относит такую информацию к объективным характеристикам ситуации. И лишь иногда субъект может заподозрить, что он сам является автором-производителем всей имеющейся у него информации, производя ее с помощью интерпретации поступающих к нему сведений, с использованием соответствующих технологий и технологических алгоритмов, управляемых соответствующими контекстами.

Таким образом, субъект считает, что, обеспечив себя информацией, он сможет «снять» проблему, ее разрешить, а все его проблемы, по сути, есть проблемы информационные, в основе которых лежат, с одной стороны, особенности процессов восприятия, осмысления и понимания субъекта, а, с другой стороны, природа и функциональность информации.

Для субъекта лучше всего «принять» тот вариант решения проблемы, который предлагает ему та программа существования, к исполнению которой он предназначен.
А.Кайрос

...

Информационная проблема и социум

Информационная проблема для социума напрямую связана с его главными задачами ***выживанием, адаптацией и эволюцией***. При этом исполнение этих задач определяется направленностью принимаемых субъектами решений, а они, в свою очередь, той информацией, которая производится и лежит в основе этих решений. Поэтому для социума, информационная проблема состоит в установлении контроля, максимально возможного, за этим производством. Для этого социум организует собственное производство информации, которую использует в качестве средства управления.

Вот только эта информация принципиально отличается и прежде всего тем, что она является по сути ***квазиинформацией*** (мнимой информацией), обладающей внешним подобием, близостью своей формы, похожестью в некоторых аспектах своего проявления и, главное, мотивирующей энергией. Все это отнюдь не уменьшает ее значимости и эффективности в достижении поставленных целей. Но самое главное эта информация позиционируется социумом как «помогающую» субъекту выживать, принимать верные решения, обеспечивать безопасность и т.п. В действительности квазиинформация социума «освобождает» субъекта от необходимости самостоятельно принимать решения, предлагая ему завершенную информацию и к ней готовые и отработанные алгоритмы интерпретации.

Социум, своей квазиинформацией, предлагает каждому, как жить и как выживать, чего хотеть и как реагировать, что считать ценным, а что можно и нужно отбросить, оставляя субъекта в полной иллюзии о собственной свободе и даже «расширяя» эту свободу диапазоном каналов информации, превращает его мир в мир виртуальных ценностей и столь же виртуальных доказательств их истинности. Объемы и разносторонность поставляемой социумом информации снимает с субъекта необходимость самостоятельного его производства, т.к. разнообразие предлагаемых позиций, интерпретаций призывает – просто выбери свой вариант и поверь в него. В результате квазиинформация составляет большую часть той информации, которую субъект использует для принятия решений, представляя собой то, что есть, но то, что не существует.

из этих пустяков возникнет система понятий и ценностей, когда ошибок, несоответствий и недоразумений наберется достаточно, чтобы, говоря языком математики, они смогли создать замкнутую систему, человек уже сам станет пленником того, что, являясь, по сути, совершенно случайным собранием всякой всячины, представляется ему высшей необходимостью. **С.Лем**

...

Предлагаемая социумом информация, сохраняя у субъекта иллюзию почти безграничной свободы, на самом деле удерживает его поведение в конкретных алгоритмах реагирования, «снимая» для него необходимость принятия решения. Более того, в этом субъект видит воз-

возможность достижения максимально комфортного и безопасного существования при собственных минимальных затратах.

Информация для социума становится проблемой в том случае, когда ее квазиинформация достигает абсолютного доминирования, а ее производство становится неуправляемым. В результате неизбежно происходит формирование виртуального пространства восприятия действительности, в котором социум утрачивает контроль не только за информацией, но, и это самое главное, за ее восприятием, а, следовательно, и применением при принятии решения. Неконтролируемое производство квазиинформации приводит к: а) замене управления субъектом на абсолютное манипулирование им, б) конструированию у субъекта зависимости от получения необходимых доз целевой информации, в) созданию и эффективному функционированию стратифицированного социума, в котором каждая страта (слой, группа) обладает собственным правом и возможностью на соответствующий объем, содержание и качество подготовленной социумом информации. Все это существенно повышает эффективность воздействия квазиинформации в ситуации, когда ее производством занимается не социум с его специальными структурами, а неконтролируемые производители, ориентированные на избыточно вариативные индивидуальные цели.

В настоящее время существуют две параллельные и взаимодополняющие тенденции в производстве квазиинформации:

1. Постоянное, расширенное производство управляющей/манипулирующей квазиинформации, направленной на формирование социальной группы социума – *инфозиты* (info-данные, siton-пища) – *информационно зависимые* – нуждающиеся в постоянном пополнении информацией;

2. Производство специализированной информации, блокирующей способность большинства социума создавать другую, не контролируемую информацию.

Информационная проблема социума – контроль за производством информации и ее восприятием абсолютным большинством. При этом условием решения этой проблемы остается сохранение у большинства иллюзии свободы, независимости потребления информации и ее самостоятельного производства. Сохранение контроля за производством и восприятием информации является одной из основных функций информационного обеспечения принятия большинством социума решений. Успех в реализации этой функции определяется степенью блокирования производства информации большинством социума и использования готовых вариантов принятия решения.

...

Информационная проблема в коммуникации

Человек познает всегда только уже известное. М.Хайдеггер

Информация является средством формирования взаимодействия: а. социума и субъекта, б. субъектов в пространстве коммуникации. При этом, именно через коммуникацию, социум решает такие значимые для самосохранения задачи, как становление и развертывание *взаимопонимания – mutual understanding* и *единения – unity*. С точки зрения информационного обеспечения взаимопонимание следует рассматривать как способность субъектов коммуникации интерпретировать поступающие сведения в рамках единых контекстов, с использованием соотносимых алгоритмов интерпретации. А единение есть достижение единства интерпретации и формирование единых, доминирующих контекстов, ради достижения сплоченности в понимании, как противопоставление одиночеству индивидуальной позиции.

Формирование взаимопонимания и единения только часть информационной проблемы коммуникации и рассматривается социумом как задачи в рамках самосохранения. При этом социум пытается удержать это взаимопонимание и единство в определенных рамках, не позволяя сформироваться какому-либо монолитному сообществу, способному противостоять существующей системе властных полномочий.

Решающую роль в этом играет информация, способная создавать иллюзию безграничных возможностей субъекта получать информацию по любому интересующему его вопросу. При этом эта не та публичность, которая, например, проявляется в так называемой «медийности» лиц и событий. Это, так сказать, абсолютная публичность, когда кажется, что все может стать открытым, явным, без каких-либо ограничений. Реальность такой «абсолютной публичности» или угроза ее возможности, превращает информацию и способы ее размещения в пространстве коммуникации в абсолютную силу власти, управления, вне зависимости от субъекта, его социального положения, а также какой-либо моральности используемой информации.

Угроза абсолютной публичности делает одиночество невозможным, то самое одиночество, которое так необходимо для принятия решения. При этом информационная проблема коммуникации приобретает иной характер. Информационное обеспечение принятия решения может превращаться властью в так называемое «право знать». И вот уже субъект не может ответить себе на вопрос – он ли сам принял решение? Информация, циркулирующая в пространстве коммуникации, способна разрушать личное пространство субъекта, вернее делать его суррогатным, лишая субъекта способности отделять себя от того, что предлагает ему социум.

Гораздо труднее увидеть проблему, чем решить ее. Д.Бернал

...

И все же главной информационной проблемой является способность субъекта принимать решение. Она связана с тем, что использование информации может позволить субъекту принять решение только в виде ***гипотетического конструкта – hypothetical construct***, т.е. логического, смыслового построения, интеллектуального образования, представления о будущем результате будущих действий. Все в таком решении основано на информации скрепленной единым контекстом и само решение есть всего лишь информация, в лучшем случае о намерениях, но чаще всего о представлениях желаемого будущего, что близко к гипотетическому императиву И.Канта – ***«Если Вы желаете достичь X, сделайте Y»***.

Применительно к принятию решения он может быть сформулирован так – ***«если я хочу вот такого своего будущего, то должен совершить вот такие действия»***. Это становится условием дальнейшего существования субъекта, т.к. субъект уверен – решение основано на полноценном информационном обеспечении, необходимом и достаточном количестве качественной информации.

Ценность накопленного опыта, который неявно принимается как предпосылка некоего знания, состоит в том, что он позволяет выявлять и потому принимать сходные признаки явления и отбрасывать несходные, тем самым признавая истинность этого явления. П.Сэлфинг

СУММИРУЯ -

1. то, что вы считаете проблемой, вовсе ею не является;
2. то состояние неопределенности от отсутствия информации о том, что, зачем, почему, как и т.п. следует делать в этой ситуации, в действительности и является проблемой;
3. для субъекта эта проблема есть проблема информационная;
4. и решает ее субъект через получение информации, достаточного ее количества и качества;
5. при этом решение всегда представляет собой некий гипотетический конструкт.

2. Вопрос-вопрос..., ответ-ответ...; страх и любопытство

Как появляется вопрос, и откуда возникает ответ? И когда вопрос становится ответом и как ответ превращается в вопрос? П.Селфинг

Куда проще отвечать на вопросы, когда ответ ни к чему не обязывает. П.Сэлфинг

Так называемая «сознательная жизнь» человека начинается ... с вопроса «Что?», продолжается «Почему?» и развивается с вопросами «Зачем?», «Как?» и т.п. А завершается, зачатую, риторическим – «За что?» Впрочем, постепенно вопросы отмирают, примерно в такой же очередности. И не только потому, что переход от вопроса к вопросу должен как бы происходить через найденный ответ. Просто многие из вопросов так и остаются без ответов, а те ответы, которые, как кажется, были получены, привели всего лишь к новым вопросам. Ерунда какая-то... Стоит ли спрашивать, если ответ удовлетворяет только здесь и сейчас, чтобы завтра вновь к нему вернуться и в конце концов признаться самому себе: **«Я знаю, что ничего не знаю.» Сократ**

...

Бессмысленно спрашивать – что первично, «вопрос» или «ответ». Большинство быстро и уверенно скажет, ответ следует за вопросом. Это так просто и очевидно. Вот только ... Не понятно. Откуда возникают вопросы и почему они когда-то возникают, а когда-то, в ситуациях, казалось бы, более неопределенных, их просто нет? Вот и в этой ситуации автор столкнулся с вопросами. Возможно потому, что просто задумался, а то, что знал, оказалось недостаточным для вразумительного ответа.

Все это может казаться перебиранием слов или, в лучшем случае, игрой праздного ума, который, в целях некой гимнастики, забавляет себя перекачиванием слов-камушек, играя в них ради удовольствия и без видимой практической пользы. Для кого-то это так и есть и, видимо, не следует дальше заморачиваться. Но кому-то будет любопытно определить, как вопросы и ответы управляют человеком и как сам человек может управлять другими с помощью вопросов и ответов. Уникальность вопросов и ответов в том, что у них есть ... пусть и относительная, но собственная цена и платим мы за наши и не наши вопросы, за наши и не наши ответы собственной независимостью-свободой, возможностью самоуправления и управления другими. Стоит, например, вспомнить, как мы отвечаем на вопросы власти и как власть отвечает на наши вопросы к ней.

...

Следует признать – субъект задает только свои вопросы, точно также, как и получает только свои ответы. Результатом этого вопрошания может быть принятое решение, которое отличается от вопросов своей окончательной, утверждающей формой, блокирующей возможность новых вопросов. Что, впрочем, ничего по сути не меняет – принятое решение не отменяет новые вопросы. Иногда увеличивая их количество. П.Сэлфинг

Проще всего вопросы и ответы связать с ... любопытством или страхом, которые всего лишь результат естественной, т.е. природной, реакции субъекта на неопределенность его существования. И еще. Оказывается, что зачастую ответы почти никак не связаны с вопросами. Они вовсе не есть ответы на вопросы, как это принято считать. Ответы – это результаты интерпретации-толкования собранных данных, которые лишь отчасти связаны с заданными вопросами. Более того, именно ответы становятся основанием для формирования новой ... неопределенности, как особой формы знания/незнания, отличающейся незавершенностью и неоднозначностью. Именно поэтому практически любой ответ уже содержит в самом себе новые вопросы, столь же интенсивно, если не больше, требует новых ответов.

...

Наше ожидание получить ответ, соответствующий действительности, кажется вполне естественным. А еще хочется, чтобы он был полным и окончательно нас удовлетворяющим, т.е. «снимающим» вопрос или, точнее, «снимающим» необходимость самого вопроса. Впрочем, это ожидание больше связано с иррациональными эмоциями, с готовностью принять этот ответ полностью и окончательно, т.е. поверить, сделать своим и руководствоваться им в действии.

Значимость вопроса всегда не соответствует значимости получаемого ответа. Ответ может «уничтожить» вопрос, а может приводить к новым вопросам, т.е. эволюции проблемы. Но вопрос может быть и провокационным, вообще не связанным с будущим ответом. И бывают вопросы, на которые мы знаем ответы, и они признаны лишь подтвердить нашу уверенность в собственном знании. И все же большинство вопросов связано либо с любопытством, либо со страхом. И если это так, то информационное обеспечение принятия решения определяется переживанием двух конечных состояний – либо любопытства, либо страха, состояний, требующих реализации в виде конкретных действий.

В любом случае решение есть всего лишь приблизительный набросок будущего, той определенности, которая, как уверен субъект, неизбежно наступит. При всей видимой однозначности решения, оно всегда многозначно и эта многозначность объясняет готовность субъекта в любой момент внести коррективы в свои действия по реализации принятого решения. П.Сэлфинг

...

Любопытство ...

Ну с этим как бы все просто.

Скажи человеку, что на небе 978 301 246 569 987 звезд, и он поверит. Но повесть табличку «Свежеевыкрашено», и он непременно потрогает пальцем. Д.Б.Шоу

Слово «любопытство» как бы создано из двух слов, каждое из которых вносит в его содержание какой-то свой, собственный элемент. Это, конечно, любовь и попытка, что странно и почти невероятно. Если буквально соединять их значения, то может получиться почти паталогическая любовь к пыткам, т.е. насилию над человеком или, скорее, над самим собой, ради получения требуемой информации. Как бы избегая столь странного толкования, под любопытством вполне логично понимать стремление и даже страсть к познанию, пониманию, проникновению во что-то новое и, совсем иное. Иногда это выражается в неоправданных попытках узнать, стать свидетелем, носителем чего-то такого, что делает тебя почти избранным, уникальным или, по крайней мере, необычным, интересным для других.

Сразу надо признать. В информационном обеспечении принятия решений любопытство принимает участие лишь отчасти, в качестве эмоционального фона, но не как доминирующая мотивация. Этот фон связан с тайной, которая присутствует в любом принятии решения – это особая тайна – тайна субъекта, принимающего решение самостоятельно, для самого себя. Находясь в процессе принятия решения, он не знает о том, какое это будет решение, не знает, что это решение... уже есть, оно существует и его надо всего лишь открыть. Эта таинственность тайны будущего решения и составляет энергетику процесса информационного обеспечения, сбора сведений по проблеме, их интерпретации и производства требуемой информации. При этом тайна как бы постепенно раскрывается, насыщая процесс производства информации эмоциональной составляющей.

Любопытство – это всегда проникновение, проникновение в тайну. И неважно осознает это субъект или нет. Он любит это проникновение, которое сулит открытие тайны, того, что еще не знаешь сам и, возможно, не знает никто. Таинственность тайны увлекает и соблазняет, причем она никогда не будет раскрыта до конца, полностью, что еще более привлекает. Этим тайна отличается от секрета, который также принуждает к информационному обеспечению, а иногда и составляет его основной мотив. Вот только секрет может быть раскрыт, а

тайна никогда не бывает вскрыта полностью. Секрет похож на тайну своей таинственностью и представляет собой всего лишь целенаправленно закрытые сведения, без которых невозможно устранить их неопределенность. Секрет не раскрывается через интерпретацию и может стать известным через снятие наложенных средств защиты.

В этом смысле, любопытство является неременной составляющей информационного обеспечения принятия решения, занимая значимую, эмоциональную его часть. Любопытство оттеняет неопределенность проблемной ситуации, которую следует превратить в определенность, раскрыть хотя бы часть тайны и проникнуть в сопровождающую проблемную ситуацию таинственность.

Страх...

Ну а со страхом еще проще.

У страха глаза велики. Посл.

Принадлежность к миру влечет за собой, скорее, прагматическую вовлеченность. Отношения с моим жизненным контекстом состоят в первую очередь не в познании и представлении, но в практике приспособления, в поисках защищенности, в практическом ориентировании, в прямом влиянии на окружающие объекты. П.Вирно

Довольно просто определить, что такое страх, ведь он переживается каждым. Вот только у каждого он разный, по разным поводам, размерам и последствиям. В любом случае, это весьма неприятное эмоциональное состояние, связанное с угрозой, опасностью, когда необходимо что-то делать. Причем быстро и максимально эффективно. И уже потому страх куда больше связан с информационным обеспечением принятия решения, т.к. существенно влияет на восприятие субъектом неопределенности конкретной жизненной ситуации и, конечно, возможными последствиями от неверного решения. Это эмоциональное состояние способно ускорять процесс принятия решения или блокировать этот процесс, погружая субъекта в состояние ступора. При этом сам страх является эмоциональным фоном поиска и интерпретации необходимых, т.е. для данного состояния любых, сведений.

Замечено то странное состояние, которое охватывает субъекта, когда он видит на экране телевизора стихийное бедствие и гибель людей. Он с особой остротой воспринимает свою безопасность здесь и сейчас, находясь в собственной квартире, в окружении близких, в ситуации, которая ничем ему не угрожает. Но одновременно, он, почти на бессознательном уровне, осознает свою принципиальную незащищенность, зависимость от условий существования, которыми он практически не может управлять. Опасность скрыта во всем и проявляется в конкретных ситуациях, как бы переходя от неопределенности к полной определенности, в виде ощущения тревоги.

Стоит ли удивляться тому, что субъект пытается принять такое решение, которое обеспечивало абсолютную безопасность, т.е. не несло бы в себе никакой угрозы. Но достичь этой цели, как считает большинство, можно только при наличии соответствующих сведений об опасности. **«Предупрежден значит вооружен» (*praemonitus, praemunitus*)** – кажется абсолютной истиной, но только если полученные сведения соответствуют истине. Вот только эти сведения, чтобы стать основой действия, всегда подвергаются интерпретации и становятся информацией, которая не может быть не субъективной. И когда утверждают, что «знание – сила» (Ф.Бэкон), почти автоматически упускают, что это знание есть результат присвоения субъектом произведенной им самим информации, с неизбежным собственным отношением к ней. Возможно, субъект бежит от страха ... в информацию, которая снимает главную составляющую его страха – неопределенность.

С точки зрения информационного обеспечения принятия решения, страх – это неопределенность-отсутствие информации, не столько вообще об окружающей действительности, а конкретно о ситуации здесь и сейчас. Неопределенность ситуации почти неизбежно вызывает страх и своей непонятностью и не очевидностью необходимых действий. Затем эта неопре-

деленность только возрастает, т.к. неясно к чему приведут найденные ответы на вопросы почему?, что делать?, как быть?, и т.п. Для субъекта все соединяется вместе в виде вполне осознаваемой тревоги, когда неопределенность ситуации это и ее определенная не определенность, и неопределенная неопределенность последствий от совершаемых, иногда панических, действий. Это не игра слов, а существенно различные состояния субъекта, которые проявляются в различных реакциях. Страх – состояние субъекта от знания, того, чего он боится, но не знает, что это такое и как с этим сосуществовать. Самый простой пример – страх смерти и неопределенность этого страха. При этом каким бы объемом информации субъект не обладал, неопределенность не компенсируется, а страх не проходит. (см. Р.Полборн. Я знаю что ты хочешь. М.2005.)

Чаще всего, страх проявляется в тревоге – этом состоянии неопределенности, когда субъект как-бы чего-то ждет – что-то должно случиться, а вдруг будет ... или не будет. И он надеется хотя бы унять свою тревогу сведениями о ее причинах. На какой-то период полученные сведения «снимают» тревогу, как бы «размывая» ее, особенно тогда, когда, как кажется, определена конкретная причина. Зачастую для этого субъект начинает действовать, правда это скорее некие хаотические поступки ситуативного характера. Это не целенаправленный поиск-изучение ситуации, а именно хаотические поведенческие реакции, вызванные неопределенностью тревоги.

С точки зрения информационного обеспечения страх/тревога – предчувствие будущего, ощущение происходящих изменений, причем информационно вовсе не обеспеченное. Поэтому и действия неопределенны, но вызваны ощущением необходимости что-то делать, как-то реагировать на надвигающуюся опасность. Иначе страх выходит из-под контроля, что подкрепляется прошлым опытом или, что значительно чаще, социальными стереотипами реагирования. Подобные действия несут в себе крайне негативные для субъекта последствия. Они обманывают его ситуативным успокоением, когда он уверяет себя в том, что действует, предпринимает усилия, снимая с себя возможные обвинения в пассивности. Такая ситуативная психологическая анестезия на самом деле блокирует поиск дополнительных сведений по проблеме и препятствует формированию картины происходящего. Причем она всегда временная, страх-тревога возвращается и вновь субъект сталкивается с неопределенностью своего положения.

Для «борьбы» со страхом и тревогой субъекту, в оптимальном варианте, необходимо понимание происходящего, причин возникшей проблемы и вариантов ее развития. Только так он сможет в какой-то степени снизить переживаемый страх. Но тревога все равно остается, требуя дополнительной информации. Поиск такой информации только похож на информационное обеспечение будущего решения, на самом деле являясь, так сказать, аллергической реакцией на реальную или мнимую опасность.

Дополнительная информация и сам процесс ее сбора и интерпретации выступает как анестетик, успокаивая и сообщая субъекту иллюзию конкретного действия, которое он расценивает как адекватное реагирование на страх или тревогу. В этом случае наблюдается симбиоз эмоционального реагирования и когнитивной деятельности, который, своей удвоенной энергией, создает возможность регулирования страха, как эмоционального реагирования. Это еще не информационное обеспечение, а скорее эмоционально-когнитивное реагирование, которое способно «запускать» активацию познавательных процессов, носящих редуцированный характер, только похожих на информационное обеспечение.

...

Особенность страха – он «включается» в принятое решение и передается результатам его реализации. Казалось бы, принятое решение должно разрушать страх, ведь именно он, этот страх, и был одной из причин принятия этого решения. Так оно и происходит, сразу после принятия решения страх как-бы уходит, субъект знает, что и почему надо делать, к нему воз-

вращается уверенность и определенность. Однако, уже после получения первых результатов от внедрения принятого решения, страх возвращается. Причем этот страх наполняется новым содержанием – это страх ответственности за будущие последствия от принятого и воплощенного решения. Автор решения, гордый своим абсолютным авторством, оказывается один на один с ответственностью за решение, за его результаты и последствия.

...

Производя для принятия решения информацию, субъект осмысляет (наделяет смыслом) проблему. И это осмысление делает информацию чем-то весьма окончательным. П.Сэлфинг

И любопытство, и страх удовлетворяются компенсацией неопределенности, которая разрушаясь, уменьшает страх и любопытство. Субъект стремится «снять» неопределенность, восстановить определенность своего существования, «понимание» конкретной жизненной ситуации здесь и сейчас, и может это сделать только путем примирения себя с той информацией, которую пытается получить. Причем требуется, чтобы поступающие сведения состыковывались с уже имеющейся у него информацией, формируя относительно строгий результат – представление о самом себе в этом мире. Так он идентифицирует себя и свое положение в ситуации.

Полностью устранить страх и любопытство невозможно. Даже в ситуации полной определенности эти состояния в той или иной форме остаются и готовы возродиться вновь при малейшем изменении условий. При этом, почти всегда, субъект не замечает несоответствие интенсивности страха и любопытства характеру складывающейся неопределенности. Он слишком занят поиском информации для снятия неопределенности и удовлетворения своего любопытства и страха. Это неизбежно, и субъект, даже осознавая это, все равно будет искать информацию дабы не упустить шанс участвовать в управлении эволюцией подобной ситуации.

Философия – это кучка ботаников, сидящих вокруг и пишущих или спорящих между собой об эзотерических терминах и дерьме, о котором говорят мировые лидеры. Иногда, когда вы гоняетесь за какой-то идеей, вы не можете заснуть. Иногда вы думаете, что все вокруг вас упускают из виду весь смысл, поэтому тайне презираете их позиции. Иногда вам хочется взорвать кого-то, поэтому вы ведете его по повествовательному пути допросов, а затем обрушиваете на него свои большие вопросы после того, как он обнажает все свои предпосылки...

вы можете стать задумчивым сумасшедшим, носящим одну и ту же одежду в течение месяца, заставляя себя оставаться сгорбленным над этими книгами в глубоком темном углу с лампой и мешком с фасолью. Мир становится вашим личным соперником, поскольку вы теряете способность общаться с обычными повседневными людьми. И вы обнаружите, что не можете найти работу, потому что вы будете отвечать на каждый вопрос интервью, обращаясь к его скрытым предположениям, и никто за пределами философии не думает, что это действительно ответ на вопрос. Обычные люди в каждой сфере жизни будут задавать простые вопросы, такие как «почему?» И хотя вам потребуется 15 минут, чтобы перечислить причины «почему», им будет очень скучно и они подумают, что вы какой-то своего рода выпендрезж. Что неправильно. Вы не пытаетесь хвастаться, но их вопрос был расплывчатым, и вы покрываете все основания, потому что хотите, чтобы они чувствовали, что вы ответили на их вопрос. Итак, пока вы спрашиваете: «Что вы подразумеваете под «хорошо»?» и «что вы подразумеваете под «как»?», они думают, что ты полный идиот и все это пустая трата времени, НО ОНИ ЗАДАЮТ неправильные ГРЕБАНЫЕ ВОПРОСЫ. Тогда вы, вероятно, начнете презирать людей. За то, что они не могут видеть, что дриблинг, который они считают двумя разными вариантами, вызывающими беспокойство, изменяющими жизнь, на самом деле в основном одно и то же, завернутое в разные упаковки. И вы можете упасть в это действительно темное место, наполненное выпивкой и сексом, и вы проснетесь

с вопросом: «Кто, черт возьми, этот человек?» ... И тогда вы научитесь ненавидеть мир.
К.С. Пирогов

СУММИРУЯ -

- 1. свои проблемы вы создаете себе сами;*
- 2. задавая вопросы и пытаясь найти на них ответы;*
- 3. которые всегда всего лишь новые вопросы, заданные себе в утвердительной форме;*
- 4. таким образом свои проблемы вы не решите, а всего лишь создаете себе новые;*
- 5. и «возвращая» их в действительность, принимаете за проблемные ситуации; подчиняясь страху и любопытству, которые выступают энергетикой информационного обеспечения; причем страху: перед проблемой – той опасностью, которая в ней содержится; перед собой – своими возможностями найти, принять и реализовать решение; перед решением – его способностью «снять» неопределенность ситуации и возможностью неожиданных, негативных последствий;*
- 6. делая страх и любопытство ингибиторами (замедлителями) информационного обеспечения или активаторами этого процесс, что вовсе не имеет однозначной связи с качеством достигаемых результатов.*

3. Неопределенность – uncertainty.

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается. Б.Шоу

Любопытство и страх – реакция на неопределенность. П.Сэлфинг

Бессилие мышления по отношению к действительному кажется безграничным...

М.Хайдеггер

Есть слова, которые определяют что-то весьма неопределенное. Когда все кажется понятным, но почти невозможно обнаружить то, что они определяют. К таким словам, пожалуй, можно отнести и «неопределенность». Чаще всего мы «вспоминаем» о неопределенности, когда оказываемся в конкретной жизненной ситуации и не знаем, что следует делать, как будут развиваться события и что последует потом. И это при том, что такие вопросы следует задавать постоянно, т.к. существование каждого просто окружено неопределенностью, погружено в нее. Правда такая неопределенность есть неопределенность нашего сознания, в то время, как все, что нас окружает абсолютно определено друг к другу.

Неопределенность, непонимание, незнание, неизвестность и т.п. сходны только в своем изначальном отрицании чего-то. При этом, пожалуй, главная особенность неопределенности в том, что она «существует» параллельно со знаниями субъекта и о проблеме, и о ситуации, и о своих собственных возможностях выйти из этой неопределенности. Более того, этих знаний может быть не просто достаточно, но и с избытком. Казалось бы, в таком положении говорить о какой-то там неопределенности вовсе не приходится. Неопределенность связана не с отсутствием знаний о ситуации здесь и сейчас, а с неспособностью на основе имеющихся знаний определить развитие проблемной ситуации и, соответственно, прогнозировать свои действия, их результаты и последствия.

Причем это не просто отсутствие знаний, а, скорее, не соответствие имеющихся сведений о проблемной ситуации с новой поступающей информацией, противоречия между ними, в то время как они, в ожиданиях субъекта, должны сочетаться, дополнять, подтверждать друг друга и формировать единую логику подхода к принятию решения. Бывает и так, что при всей полноте представлений субъекта о проблемной ситуации, ему, для принятия решения, не хватает какой-либо детали, имеющей принципиальное значение. Поэтому ничего странного нет в том, что большинство устраняет неопределенность с помощью максимально простых вопросов и ответов, которые своим содержанием «предлагают» такую определенность, которая... на самом беззастенчиво обманывает. Мало того, такие вопросы и ответы предлагают крайне краткосрочную определенность, которая почти сразу завершается новой неопределенностью. Иногда бесконечная череда вопросов отражает стремление субъекта, которому, кажется,

...хочется дойти

До самой сути.

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,

До их причины,

До оснований, до корней,

До сердцевины. Б.Пастернак

Возможно, стремление, как можно быстрее восстановить определенность в понимании проблемной ситуации, и определяет такие «короткие» вопросы и ответы субъекта. При этом они не позволяют субъекту овладеть своим существованием по крайней мере в данной ситуации. Более того, они становятся источником перманентной неуверенности, неоднозначности, неясности, неизвестности, зачастую воспринимаемой в качестве некоего «подвешенного состояния».

Постоянное «возвращение» неопределенности, подобный способ «борьбы» с ней позволяет большинству считать неопределенность естественной, объективной характеристикой своего существования, которая, как кажется, способна «убывать» здесь и сейчас в результате найденных ответов, и почти сразу возрождаться в виде вопросов, как раз по поводу этих найденных ответов. Убывая «здесь и сейчас», неопределенность почти сразу возрождается «там и потом», и в этом смысле она неустраима. Впрочем, многое зависит от субъекта, который способен прекратить это возрождение неопределенности верой в свое знание истины. Конечно, такая вера есть искреннее лукавство. Но кто способен прожить без него?!

...

Информационное обеспечение принятия решения является, собственно говоря, «ответом» субъекта на информационную неопределенность, которую он испытывает в проблемной ситуации. По крайней мере он так считает. Это его собственное, личное переживание ситуации, которое возможно и не подтверждается реальностью. Однако он уверен в том, что ему не хватает сведений, понимания контекста ситуации, смысла и тенденций изменения происходящего. И он действительно испытывает дефицит всего этого, что усугубляется в ситуации со сложной и неясной комбинацией элементов, когда неопределенность способна блокировать саму возможность принятия решения. Вот только в действительности, это не отсутствие сведений, а всего лишь переживание состояния неопределенности.

Оно связано с реальным отсутствием необходимой информации по проблеме – не сведений, характеристик, параметров, данных по проблеме, а именно информации, т.е. результатов интерпретации этих сведений, интерпретации, проведенной самим субъектом под управлением доминирующих «здесь и сейчас» контекстов. Более того, положение субъекта усугубляется наличием у него не стройной системой воспринятых сведений о проблеме, а хаотического набора не комплементарных характеристик, которые еще требуют своей обработки. Субъект может «тонуть» в этом наборе сведений, которые не соответствуют друг другу, внутренне противоречивы и, кажется, не могут никак быть приведены хотя бы в подобие системы.

Все это усложняется тем, что проблемная ситуация никогда не бывает стабильной, а характеризующая ее неопределенность постоянно модифицируется, пространство которой может существенно различаться: по своему объему; остроте воздействия; значимости вероятных последствий и т.п.

Определенность как деятельное состояние покоя с постепенной прямолинейной эволюцией. П.Сэлфинг

Определенность, с ее явным комфортом, всегда определяет пределы возможностей субъекта, делая его зависимым от этой определенности, и ... тем самым поддерживая его в состоянии постоянной *бифуркации-bifurcus*. Это связано с тем, что неопределенность формируется в существующей здесь и сейчас определенности, «делая» субъекта точкой бифуркации, когда малейшие и, казалось бы, незначительные для обычного состояния субъекта изменения условий, ведут его к неожиданным, непрогнозируемым решениям. Он, сам для себя и тем более для других, становится источником неопределенности и изменить это не способно никакое информационное обеспечение, которое не всесильно.

Определенность каждой ситуации когда-то заканчивается неопределенностью, которая требует принятия решения. Даже тогда, когда ему кажется – возникшая проблема неразрешима. Отказываясь от решения он, в действительности, принимает это решение, в очередной раз подтверждая невозможность «уйти» от неопределенности, не приняв соответствующего ей решения. Но принимая решение, субъект эволюционирует, а отказываясь от него – деградирует.

Естественным «врагом» неопределенности является решение проблемы, которая является носителем этой неопределенности. Причем решение уже присутствует в этой неопределенности, которая «скрывает» его от субъекта. Это решение он должен «найти» и «озвучить»

в виде конкретно цели своих будущих действий. Это решение ощущается как некое обещание, как искушение будущего, как захват будущего, почти всегда обманное. Однако уже приступая к поиску решения, т.е. уменьшая неопределенность проблемы, субъект должен осознавать – он создает новую неопределенность – неопределенность последствий от принятого и реализованного решения, последствий, которые нельзя будет никак изменить и за которые он несет персональную ответственность.

Однако у него нет выбора. Субъект стремится максимально быстро устранить неопределенность решаемой проблемы, восстановить свою способность принимать решения и управлять своим существованием. В результате осмысления ситуации, он разрабатывает набор различных вариантов ее понимания, которые принимает за варианты ее решения, что и вызывает у него ощущение определенности. Ему «остается» принять решение и воплотить его в действии, что, кажется, окончательно сделает его положение определенным, т.е. максимально комфортным.

Вот только для этого нужны сведения, которые, после их осмысления (интерпретации), становятся информацией, несущей в себе доказательства истинности будущего решения. И свойством этой информации будет возвращение определенности, причем большая убедительность информации сообщает большую убедительность этой определенности. Правда, субъект не знает, что это всего лишь искренняя иллюзия, служащая анестезией процесса принятия решения, впрочем, анестезией обязательной и необходимой, т.к. без нее невозможно никакое решение.

Коварство неопределенности в том, что она «уверяет» субъекта – она вне него, где-то там, в общем пространстве существования. И это то, 1. о чем он не знает и в существовании чего он не сомневается – *«я знаю, что есть то, о чем я не знаю»*; 2. что существует в ситуации и что он не понимает – *«я не понимаю, что это, почему это и как это»*; 3. что было когда-то и что, казалось уже определено, но так и осталось не познанным – *«думаю, что это было вот это и потому-то, но возможно, что это было что-то иное и не поэтому»*. Т.е. попытки субъекта понять неопределенность обычно заканчиваются выводом – неопределенность существует в прошлом, настоящем и будущем и, кажется, что она вовсе не устранима.

Неопределенность всегда больше по своему объему той определенности, которая доступна возможностям субъекта. Она никогда не бывает полностью раскрыта субъектом и какой-то своей частью продолжает его «напрягать», оставляя часть его существования в зоне не предсказания. Потому, что она -

- всегда сложнее по своему содержанию и формам проявления познавательным способностям человека,

- всегда резко-неожиданно, стремительно, необычно проявляет себя и все приготовления к встрече с ней оказываются на соответствующими ее сложности,

- всегда неадекватно эмоционально-психологическому состоянию большинства, которое уверено, на собственном опыте, что основные вопросы существования определены, отрегулированы, адекватно функционируют, а системы безопасности максимально эффективны.

«Победа» над неопределенностью для субъекта связана с установлением определенности, что кажется возможным только через принесение колоссальных жертв, с помощью исчерпывающих почти весь потенциал усилий и то, только на неопределенный, но всегда ограниченный, срок. Наученное опытом борьбы с неопределенностью, большинство пытается предупредить ее «наступление» с помощью ... максимальной определенности, для чего это большинство разрабатывает законы и правила, инструкции и указания, системы безопасности и «ловушки неопределенности», которые представляют собой, в настоящее время, так называемые целенаправленные научные исследования, которые и ведут свою борьбу с неопределенностью формулируя вопросы и предлагая какие-то ответы.

Впрочем, каждый субъект по-своему преодолевает собственную неопределенность, называя это либо познанием действительности, либо принимая решение и составляя план его реализации. Что из этого получается, каждый знает по собственному опыту – через сформировавшуюся определенность почти сразу проявляется новая неопределенность будущего. В этом и состоит парадокс неопределенности, когда субъект, зная о неопределенности своего будущего, пытается «снять» эту неопределенность, сделать будущее определенным, через а) принятие решения, б) прогноз своих действий, желаемого результата и в) предсказания последствия от всего этого.

При этом основным средством борьбы с неопределенностью предлагается считать то, что обычно называют информацией, методом – познание, технологией – обеспечение информацией, целью – достижение максимального тождества своих представлений о некотором материальном или идеальном предмете с действительностью этого предмета. При этом субъект практически никогда не осознает, что предельным результатом этой борьбы может быть лишь то или иное разграничение между этим предметом и всеми остальными предметами.

Одна из основных иллюзий «борьбы» с неопределенностью – знание предмета устраняет его неопределенность. Кажется, что знание – это когда все понятно и известно, что и как следует делать. и уж тем более – знание позволяет принимать верные решения. Существуют представления и о том, что количество информации определяет количество устраненной неопределенности. И из этого делается поспешный и сомнительный вывод – чем больше информации по какой-либо проблеме, тем более определенной она является и, следовательно, тем более верным будет принятое по этой проблеме решение.

Если все предопределено, то нет жизни, а одно безличное движение и «меня нет».
М.Менищikov

Вот только знание не предполагает понимание. Можно знать о существовании неопределенности, но не понимать, что это такое. Знание лишь иллюзорно, частично и ситуативно устраняет неопределенность предмета. Лишь понимание позволяет нейтрализовать какие-то элементы неопределенности предмета, да и то, в четко ограниченном объеме контекста этого понимания. И потому объем информации о проблеме, как предмете неопределенности, обещает правильное решение, но всего лишь обещает.

Отчасти поэтому неопределенность воспринимается, как нечто негативное. Ее существование и постоянное «появление» при изменении ситуации кажется настолько очевидным, что не требует дополнительного рассмотрения. Вот только оказывается – именно определенность и ограничивает субъекта в его принятии решений, в то время, как неопределенность снимает практически любые ограничения, предлагая свободу принятия решений и будущих действий.

Правда, субъекту вовсе не нужна та свобода, которую предлагает ему неопределенность. Она страшит субъекта величиной своих размеров, когда неопределенность столь велика, что практически невозможно говорить о каких-либо последствиях принимаемого решения, их просто невозможно предугадать, а любые попытки такого прогноза почти сразу уводят в дурную бесконечность. И тогда решение в условиях неопределенности больше похоже на – «будь, что будет» и, как правило, принимается в крайней необходимости или при полном безразличии к возможным последствиям.

В свою очередь решение, принимаемое в условиях определенности, изначально ограничено этой определенностью – это нельзя, а это можно, это невозможно, не принято, не соответствует правилам и т.п. Так, например, что при планировании полета к Луне возникли сомнения относительно лунного грунта – предполагалось, что он представляет собой многометровый слой пыли, в которой мог бы утонуть спускаемый аппарат. Возник некоторый тупик, когда никто не мог доказать собственную правоту и вопрос решил генеральный конструктор, сказав: «Решено. Будем считать грунт твердым».

Именно с неопределенностью связана иллюзия о том, что она разрушается информационным обеспечением, которое понимается как постановка вопросов и поиск ответов на них. У такого подхода есть очевидные основания, т.к. совершенно ясно, что вопросы и, в значительно большей степени, ответы на них, «разгоняют» неопределенность. И если это так, то все просто – следует поставить максимально необходимое количество вопросов, получить информацию по ним и сформулировать ответы, которые и станут основой будущего решения. В рамках такого подхода примерно так и трактуется технология информационного обеспечения.

Он существенно упрощает и отношение к истинности получаемой информации, а, следовательно, и принимаемого решения. Правильные вопросы дают правильные ответы, которые становятся правильной основой будущего решения, критерием абсолютной истинности. Все сомнения развеиваются, если вопросы и ответы соответствуют друг другу, «лежат», так сказать в одной плоскости. И неважно, что проблема всегда имеет объем, и в двухмерном и уже тем более трехмерном пространстве коммуникации. Впрочем, субъект готов отказаться от такого понимания истинности будущего решения, ссылаясь на его сложность и возможные не рациональные затраты.

Стараться уйти от неисполнимого желания определенности и законченной осмысленности и встать на почву того, что Алан Уотте назвал “мудростью неопределенности”, и открыть для себя то, что А. Камю пытался найти для себя – возможностью удовлетвориться неизвестностью. Если мы принимаем неопределенность в качестве своей философии, это могло бы помочь нам относиться с большим уважением и терпимостью к различным взглядам на жизнь и получать большое удовольствие от разнообразия причудливых и удивительных толкований действительности. Н. Урманцев

Подобная количественная технология борьбы с неопределенностью сопровождается стремлением забыть о ее существовании, продолжать строить и реализовывать планы, принимать решения, надеясь на некие познанные законы и т.п. И тут обнаруживается одна из основных ошибок большинства – оно надеется на собственные способности к быстрой и адекватной адаптации, с завидным упорством и отменной наивностью заявляя – «все будет хорошо». «Пришедшие» из неопределенности резкие, взрывные перемены, как всегда застают врасплох и оказывается, что большинство неспособно быстро воспринимать происходящее, задавая стандартный и полный бессилия вопрос: «что происходит?» И тогда возникает простой и быстрый ответ – не хватает или просто начисто отсутствует то, что предлагается называть информацией. Этим большинство демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на «взбунтовавшуюся неопределенность», но главное противостоять реальной угрозе своему существованию, которую несет в себе любая неопределенность.

...

Обычно неопределенность пытаются устранить с помощью информационного обеспечения, т.е. с помощью производства информации. Для этого субъект собирает сведения о проблеме, интерпретирует их, тем самым получая необходимую информацию. Ему кажется, что таким образом он понимает проблему и получает основания для принятия решений. Тех убеждений, взглядов, ценностей, принципов и т.п. ему не хватает и необходимы новые сведения, дополнительные аргументы и доказательства. Это ситуация недостатка информации.

Возможна и иная ситуация, когда субъект противостоит неопределенности своими определенными и доказавшими свою истинность представлениями, т.е. той информацией, которой он уже владеет. Однако это не означает отказа от информационного поиска. Субъект перекомбинирует имеющуюся у него информацию о проблеме, выстраивает новую логику ее рассмотрения, определяет новый подход в ее понимании. «Побеждает» не сама информация, а ее максимальная определенность, однозначность мотивов и мотивировок, что позволяет субъекту принять **безусловное решение**, основанное на вере и убежденности в истинности оснований. Особенности таких решений является их устремленность к собственной абсолютности, как

в части признания их истинности, так и в части всеохватности, и абсолютной власти, т.е. без-условному и беспрекословному исполнению. Так, например, субъект «поступает по совести», оставаясь в неведении относительно результатов и последствий такого решения. Кроме одного – «он «чист перед самим собой».

Я чист перед самим собой – и это главный критерий, которым я руководствовался, устраивая бизнес, устраивая политику. Я против своей совести нигде не пошел, против собственных убеждений не шел никогда, против собственной воли – тоже и поэтому абсолютно счастлив внутренне. Б. Березовский

Возможна ситуация, когда существующая для субъекта его состояние определенности здесь и сейчас предполагает понимание им решаемой проблемы, но новые данные вступают в конфликт с ними, формируя неопределенность. На каком-то этапе взаимодействия определенности и неопределенности относительно формирующейся проблемы может возникать патовое, равновесное состояние, внушающее субъекту уверенность в невозможности принятия решения. И он может отказаться от него, чаще всего рассчитывая на появление убедительной информации. Однако следует признать – такая ситуация разрешается сама собой.

Человек «всегда соответствует себе только при виде той внешней плоскости, по которой его гоняют туда и сюда, он же ошибочно полагает, что сам при этом является погонщиком». М.Хайдеггер

...

Существует и особая ситуация – **неопределенность информационного тупика**, когда количество и качество информации «за» принятие решения соответствует количеству и качеству информации «против» данного решения. Выход из информационного тупика связан с продолжающимся процессом сбора данных о проблеме и зачастую приобретает ситуативный, моментальный характер, в виде информационного скачка, когда какой-то факт становится своеобразным моментом истины, производит решение, как открытие.

***Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещающие успех,
От долгих отлагательств. В.Шекспир***
СУММИРУЯ -

– неопределенность – состояние неспособности определить дальнейшую эволюцию проблемной ситуации, необходимость собственных действий и характер их последствий;

– неопределенность связана не с отсутствием информации о проблемной ситуации и своих возможностях по ее раскрытию, а с отсутствием соответствия между ее характеристиками;

– несоответствие информации о проблемной ситуации, знаний о своих возможностях, прогнозирование последствий возможных действий при неопределенности образует хаос не комплементарных оснований возможного решения;

– стремление к скорейшему восстановлению определенности приводит к использованию «коротких» вопросов в уверенности, что они позволят установить соответствие между имеющимися сведениями о проблемной ситуации;

- при этом неопределенность есть естественное состояние существования субъекта, способное убывать и возрастать;
- убежденность субъекта в том, что неопределенность может быть устранена через знание истины есть заблуждение;
- субъект считает информационное обеспечение средством борьбы с неопределенностью, в то время как оно лишь анестетик его состояния неопределенности;
- иллюзией субъекта является и его уверенность в том, что неопределенность существует вне, в пространстве существования;
- неопределенность всегда больше иной определенности, которой субъекту удастся добиться;
- восстановление из неопределенности состояния определенности неизбежно вызывает новую неопределенность;
- ошибка в том, что неопределенность воспринимается ситуативно;
- неопределенность стимулирует познание, которое постоянно возвращает неопределенность;
- борьба с неопределенностью есть иллюзия борьбы за выживание путем адаптации. Она есть способ легитимации и идентификации субъекта.

4.

Интерпретация

неопределенности

– interpretation of uncertainty:

квазинеопределенность, двойная неопределенность, принципы интерпретации, знание, гипотетическая рациональность, абстрактный контекст, доминирующий контекст, закон неопределенности информации, простое решение, психологический диссонанс

Существование есть постоянная, непрерывная смена проблем адаптации. П.Сэлфинг

Сбудется только то, что предопределено. П.Сэлфинг

корректная интерпретация не просто истинна, ... корректное толкование совпадает со значением интерпретируемого, которым заняты интерпретаторы, соответствует ему или его эксплицирует (разъясняет-авт.). Ю.Хабермас

Субъекту кажется, что неопределенность его положения существует где-то там, в пространстве его коммуникации, независима от него и только принятыми решениями способна быть «уничтоженной». Его восприятие действительности и сознание самого себя в ней так устроено и не стоит что-то пытаться изменить. Но, видимо, целесообразно признать – это сугубо субъективная интерпретация неопределенности, в которой приходится субъекту принимать решение и каждый раз после этого возвращаться в состояние неопределенности.

Той неопределенности, которая существует действительно, субъект предпочитает свою собственную, созданную им самим, квазинеопределенность, обладающую лишь поверхностным сходством с реальностью. Это становится возможным лишь с того момента, когда субъект начинает различать неопределенность, связанную с собственной рациональностью, т.е. выделением информации о ситуации, проблеме, условиях, объективных обстоятельствах и т.п., и неопределенность собственных убеждений, ценностей, мотивов и т.п. Сам того не желая, субъект получает две группы неопределенностей – **двойная неопределенность** и допускает их взаимодействие в процессе поиска решения, тем самым утрачивая саму возможность принимать существенные решения.

В попытке избежать подобного, субъект пытается ориентироваться на что-то одно – либо на «голую» рациональность информации об объективной реальности, делая так называемые факты основой принятия решений, либо превращая собственную мотивацию, основанную на избранных ценностях, в единственную платформу принятия решения. Платой за подобное

устранение части неопределенности становится односторонностью принятого решения, которое не устраняет проблему, не решает ее, а создает иллюзию «выхода» из нее.

Возможность выхода из двойной неопределенности проблемы возникает только тогда, когда субъекту а) удастся осмыслить причинность и закономерности формирования собственной самости на основании объективной реальности (*что я есть?, почему я такой?*), б) чтобы затем перейти к осмыслению объективной реальности (*какова проблема?, почему она такова?*) через характеристики самости. Таким образом, он пытается создать единую и понятную собственную картину мира, которая способна стать единой и определенной системой объяснения воспринимаемой неопределенности.

Те, кому удастся достичь этого, может рассчитывать на то, что объективная действительность не будет выступать как нечто внешнее, а будет восприниматься как собственное существование, а собственная самость станет нераздельной частью объективной действительности, а не просто собственностью субъекта. Только после этого субъект сможет ощутить себя осваивающим объективную действительность, как ее часть, «выбирая» то, что она может предложить для понимания проблемы и принятия решения. Подобное можно считать воплощением субъекта в объективной действительности, что, впрочем, он крайне редко осознает, убеждая себя в том, что его самовоплощение происходит через принятие решения. Рассуждая таким образом субъект всего лишь проявляет гордыню и самомнение.

истолкование есть свержинтерпретация, ибо оно переступает границы того, что тут написано». М.Хайдеггер

Реализовать субъект может только ту часть самого себя, которую, то, что существующее вне него способно принять и преобразовать в свое. Точно также, как и субъект может взять из существующего только ту его часть, которая соответствует его состоянию здесь и сейчас. Все остальное остается невостребованным. Причем у субъекта можно «взять» только то, что преобразовано им самим в нем самом и что стало им самим, утратив то состояние, в котором оно находилось до своего потребления.

Это относится и к принятому субъектом решению, которое так и становится показателем того, что и как субъект воспринял и преобразовал. Оно лишь демонстрирует факт реагирования на полученное и начавшийся процесс его преобразования, а параметры этого решения (значимость, масштаб преобразований, оценка субъекта и т.п.) указывают лишь на значимость поступившего, а не на обязательность преобразования поступившего в решение. Причем затраты энергии необходимые субъекту для размещения своего решения в пространстве коммуникации, заимствованы из процесса преобразования поступающих сведений, что обрекает такое преобразование на неполноту и односторонность.

...

Принято считать, что в основе интерпретации лежат -

принцип ситуационной зависимости – интерпретация производит информацию только «здесь и сейчас» для «здесь и сейчас»;

принцип идентичности – под интерпретацию подпадает только «узнанные» данные;

принцип неопределенности информации – чем более определеннее а. данные, использованные для интерпретации; б. контекст, управляющий интерпретацией; в. избранный и примененный алгоритм интерпретации, тем более неопределенной будет произведенная информация – парадокс неопределенности информации.

интерпретаторы понимают значение текста лишь в той мере, в какой им удастся постичь, почему автор чувствовал себя вправе высказывать (в качестве истинных) определенные утверждения, признавать (в качестве правильных) определенные ценности и нормы, выражать (в качестве правдивых) определенные переживания, либо приписывать их другим. Интерпретаторы должны прояснить тот контекст, который автор, по-видимому, предполагал, как общеизвестный, для современной ему публики, коль скоро теперешние трудности

с этим текстом не проявлялись во времена его написания, во всяком случае с такой настойчивостью. Этот образ действий основывается на обнаруживаемой во всех высказываниях имманентной рациональности, с которой интерпретаторы считаются, поскольку они приписывают эти высказывания субъекту, чья вменяемость до поры до времени не вызывает у них сомнений. Интерпретаторы не могут понять семантическое содержание текста, если для них самих те основания, которые в исходной ситуации сумел бы, в случае необходимости, привести автор, не обретают наглядности. Ю.Хабермас

...

Никто не заставляет субъекта заниматься интерпретацией неопределенности. Это у него получается само собой. Причем все воспринимаемое практически сразу подвергается интерпретации, а достигнутые результаты становятся основанием для выводов, решений и действий. Не прошедшие интерпретацию сведения остаются, так сказать, в «подвешенном состоянии», и рано или поздно вступают в противоречие, начинают сами себя опровергать, отрицать и, в конечном итоге, будут отброшены. При этом интерпретация «считает» своей главной задачей – восстановление определенности через устранение неопределенности. И не важно осознает это субъект или нет. Он стремится к определенности, как условию принятия решения, будучи убежденным – любая неопределенность может быть и должна быть устранена, как будто «осознает», что то, что неопределенно в одном пространстве – может быть вполне определенным в пространстве другом.

Решение – наиболее рациональная модель поведения. П.Сэлфинг

Конечно, все не столь однозначно. Это всего лишь общая схема. Чаще всего, даже в ситуации неопределенности, субъект пытается что-то делать. Вот только эти действия не результат принятого решения, а некая суета со стремлением выйти из создавшегося положения. И в такой момент для субъекта не очень важно, что он делает. Сами действия внушают некую, пусть и ложную, определенность. Лишь бы действовать.

Куда эффективнее пытаться получить необходимые сведения о ситуации, обработать их, а затем принять взвешенное решение, с надеждой, что оно будет соответствовать действительности.

В действительности человек хочет не знаний, а определенности. Б. Рассел

Субъекта нельзя винить в этом. Просто он не способен долго пребывать в состоянии неопределенности. Неопределенность требует от него постоянной готовности реагировать, принимать решение, действовать, чтобы восстанавливать соответствие между собственной субъективностью и объективностью условий. А это требует открытости и усилий. И субъект «выбирает», как ему кажется, наименее затратный путь. Он соглашается на помощь социума, который готов помогать, тем более, что такая помощь сулит возможность управления субъектом.

И первое что делает социум – он, разрабатывает для субъекта конкретные, ясные, здесь и сейчас удовлетворяющие и снимающие неопределенность правила поведения, традиции, нормы, законы. Правда, они требуют обоснованности, доказательности своей истинности, иначе они не будут приняты большинством. Но и это не является для социума трудной задачей.

Впрочем, даже тогда, когда субъект принимает предлагаемые ему социумом правила поведения, он пытается «сохранить лицо», пытается быть свободным, что понимается им как возможность принимать собственные решения, руководствуясь индивидуальными представлениями о том, как и почему следует делать. И он принимается за поиск, сбор и обработку сведений, которые он считает информационным обеспечением своего будущего решения.

...

Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом. Притч.19

В этот момент неопределенность предлагает каждому может быть единственный ... шанс. Субъект может воспользоваться ею для познания своего существования. Избрав путь восстановления определенности, он становится «заключенным тюрьмы» под названием «определенность», с неизбежностью будущего регресса, с постоянным переходом от одной неопределенности к другой, через относительно короткий период «понимания» происходящего. И каждый выбирает для себя и по себе...

...

истина как сущность истинного никогда не является «вещью», которой обладают. Она принадлежит поиску, жаждущему того, чего надо достичь ... М.Хайдеггер

С неопределенностью все странно. В каком-то виде и объеме она существует постоянно, а субъект погружен в нее. Так неопределенность представляет большинство. И проявляется она, становится актуальной, лишь в качестве какого-либо вопроса, сомнения, некой неудовлетворенности, связанной с «появившейся», почти всегда внезапно, проблемой. Субъекту остается только удивляться тому, что он раньше не замечал ни этой проблемы, ни окружающей его неопределенности. Вот только он так и останется в неведении – возвращенная, после решения проблемы, определенность не окончательна. Она способна «исчезнуть» только на здесь и сейчас, и только для того, кто считает – он решил проблему.

Это связано с коварством неопределенности – она способна увеличиваться и уменьшаться почти до исчезновения, превращаясь в определенность, наполненную новыми вопросами, количество которых только возрастает и «избавиться» от них можно только... забыв о их существовании.

...

Это будет чудо, потому что будет вне открытой мне причинности. М.Менищikov

Парадоксальность неопределенности состоит в том, что она как раз и является абсолютной определенностью. Прежде всего потому, что принадлежит субъекту, порождает им и никто не сомневается в ее существовании и каждый, в меру своих возможностей, пытается преодолеть ее, восстановив определенность. Неопределенность – предлагает познание, эволюцию, действие, а попытка ее разрушить завершается революцией; определенность обещает – покой, стагнацию, бездействие, а попытки ее сохранить оборачиваются суетой, массой **«смешных, непонятных телодвижений» (И.Кант)**

Неопределенность – не есть не знание того, что там за этими границами определенности, но точное знание того, что там что-то есть. Это знание и есть определенность неопределенности. В этом контексте информационное обеспечение принятия решения есть движение за границы определенности, раскрытие неопределенности. И тогда каждое, любое новое – это и есть проявление того, что содержалось в неопределенности, проявление этой неопределенности. А информационное обеспечение и есть проявление определенности из неопределенности.

...

Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня? (пс.21)

Представляется, что только четкое осознание характеристик неопределенности позволит разобраться и с тем, что такое информационное обеспечение. При этом следует признать -

- сколь бы всеохватывающей не была неопределенность решаемой проблемы, она никогда не бывает абсолютной – всегда в каждой проблеме субъект, как ему кажется, может обозначит то, что ему вполне определенно известно, понятно, ясно и т.п.;

- степень неопределенности решаемой проблемы зависит не от масштаба самой проблемы, а от масштаба ее восприятия субъектом – неопределенность не в проблеме, а в ее восприятии;

- неопределенность решаемой проблемы разрушается в процессе определения направлений и пространства ее эволюции – проблема не статична, но постоянно меняется; понимание проблемы «освобождает» ее от изначальной неопределенности, правда, неопределенность,

неизбежно, становится частью эволюции самого субъекта – чем больше субъект понимает свою проблему, тем более неясной становится его собственная перспектива;

- обостренно-эмоциональное отношение субъекта к неопределенности во многом определяется его озабоченностью настоящим, но не прошлым и будущим;

- когда субъект перестает видеть в проблеме неопределенность, проблема «исчезает» в связи с отсутствием необходимости ее решения – нет вопросов, нет проблемы;

- определенность опыта внушает уверенность в истинность, непогрешимость, собственных действий, представлений и желаний, но приводит попытки разрушить неопределенность с помощью этого опыта к ошибкам – опыт есть набор объяснений-оправданий-обоснований совершенных действий, через максимально свободную, вплоть до полной произвольности, интерпретацию решаемой проблемы;

- достигаемая в процессе информационного обеспечения определенность решаемой проблемы всего лишь одна из вероятных определенностей, один из вариантов ее понимания; использование иных контекстов и алгоритмов интерпретации способно предложить иные варианты ее определенности;

- действительным результатом информационного обеспечения может быть признано только то решение, реализация которого неизбежно приводит к разрушению неопределенности

- восстановлению определенности, которая формирует для субъекта новую неопределенность;

- в этом смысле информационное обеспечение не изменяет той объективной неопределенности, на которую обречен субъект, причем производимая им информация лишь увеличивает эту неопределенность;

- это соответствует истине только в том случае, если под информацией понимается результат интерпретации субъектом сведений, получаемых им при восприятии действительности – только такая информация и восстанавливает определенность, парадоксально при этом увеличивая неопределенность любого иного решения, которое могло бы быть принято с использованием иных контекстов и алгоритмов интерпретации;

- и если это так, то зафиксированная в информации действительность уже прошлое, которое, хотя бы отчасти, не соответствует настоящему, а потому всякое решение – это решение по прошлым координатам, что делает последствия этого решения неопределенными.

...

Каждое решение есть точка невозврата. П.Сэлфинг

Но только знание способно разрушить неопределенность и восстановить определенность, **знание – knowledge**, т.е. то, что зафиксировано в словах и сохранено в памяти в виде знака (слова), обозначающего смысл воспринятых характеристик явления или процесса. Значения знаков стремятся к максимальной однозначности и, взаимодействуя между собой в виде максимально жестких, определенных, минимально интерпретируемых конструкций, образуют сознание. Данные о характеристиках предмета или явления в процессе их интерпретации трансформируются в знания. Информация является промежуточной формой между данными и знанием и потому данные – это исходный материал для знаний, а знания – это данные прошедшие интерпретацию.

Понимание, с точки зрения информационного обеспечения, есть постоянный процесс движения и взаимодействия данных, информации и знаний, перекликающихся между собой чаще всего в форме узнавания, интерпретации и оценки. Конкретным результатом понимания становится формирование, функционирование и затухание контекста, каждый конкретно для условий и для ситуации здесь и сейчас. При этом в момент своей кульминации контекст воспринимается как смысл существования, который, однако, может быть изменен или заменен другим более актуальным контекстом-смыслом. В этот момент смысл воспринимается как наконец-то достигнутое истинное значение истинного знания, что конечно не может существовать достаточно долго и разрушается путем трансформации и перемещения на периферию понима-

ния. Подобное разрушение неизбежно в результате постоянного поступления новых данных, их интерпретации в рамках иных контекстов и появления иного знания.

...

Процесс трансформации поступающих данных в знание непременно сопровождается «появлением» смысла осознаваемой проблемы, смысла, который становится главным в содержании принимаемого решения. При этом субъекту кажется, что собранной информации вполне достаточно для принятия решения и признания его значимым и истинным. Эту истинность и подтверждает «найденный» смысл будущих действий и смысл достижения желаемого результата. Именно в этот момент субъект может вдруг заявить самому себе – **«я понял, почему происходит то, что происходит и что следует делать...»**, тем самым определив готовность к действию. И ему кажется – неопределенность ситуации-проблемы полностью разрушилась и возникло понимание смысла, как абсолютной определенности.

Миф – это то, чего никогда не было, никогда не будет, но есть всегда. Салюстий

В этой точке субъект оказывается в ловушке своего отношения к найденному смыслу, как подлинной истины ситуации. Предупреждения о неизбежной и естественной ограниченности понимания, действительной неопределенности смысла остаются вне поля зрения и всего лишь чуть-чуть смущают, когда субъект наталкивается на так и не понятое.

...

Разумная жизнь не способна эволюционировать до уровня космической цивилизации. Р.Хэнсон

Ограниченность понимания определяется естественными возможностями субъективности – пределами восприятия решаемой проблемы, психо-физиологическими способностями регистрировать ее параметры, запоминать их и передавать для интерпретации. Эти ограничения усугубляются особенностями технологии интерпретации, рамками доминирующих контекстов, что не может не редуцировать полученные данные, отражаясь на уровне субъективности производимой информации.

Произведенная субъектом информация не в полном объеме участвует в понимании смысла решаемой проблемы, а не зафиксированные параметры проблемы, отдельные элементы информации о ней, так и остаются за пределами этого смысла. Выявленный субъектом смысл проблемы не может быть равен полному объему содержания проблемы и оставшиеся не воспринятыми данные о проблеме редуцируются рамками этого выявленного смысла и не участвуют в принятии решения. Но отношение субъектом к тому, что подобной редукции достаточно для того, чтобы решение стало ошибочным, не останавливает процесса принятия решения.

Подобный подход почти всегда оправдывается-обосновывается его рациональностью, которая, казалось бы, подтверждается практикой. Это весьма странная рациональность – ***рациональность гипотетическая***. Она выстраивается на предположении о том, что смысл, воплощенный в принятом и реализованном решении, может стать частью иного, большего по объему и значимости, смысла, который включает взаимодействие разных смыслов. И субъект может считать, что совершенное им является частью какого-то там «общего дела», которое способно оправдать-обосновать-объяснить решения и дела всех его участников.

Казалось бы, подобная рациональность вполне обоснована для стратегического управления, когда каждое решение субъекта является тактическим (ситуативным) здесь и сейчас, и включает в себя перспективы использования достигнутых результатов для новых решений. Но даже если это так, то такая рациональность неизбежно приводит к возрастанию неопределенности его положения. Он стоит перед ступенчатым возрастанием объема смысла принимаемых решений, что грозит своей бесконечностью.

Чтобы действительно чего-то не понимать, мы должны ведь уже кое-что действительно постичь. М.Хайдеггер

Скорее подозревая, чем осознавая, возможность такой бесконечности, большинство предпочитает отказаться от подобной рациональности. Отдается предпочтение тактическому решению, здесь и сейчас, в расчете, что все дальнейшие проблемы будут рассматриваться по мере их поступления. При этом субъект, конечно, платит за это – отказом от осознания стратегического смысла своего существования. Он сознательно соглашается на редуцирование смысла и решаемой проблемы, и смысла своего существования. Но зато, как ему кажется, почти гарантировано разрушает неопределенность своего существования здесь и сейчас, восстанавливает определенность, получая результаты воплощенного решения.

...

Ловушка процесса принятия решения... Это звучит почти нелепо. Однако, каждый, по собственному опыту, знает, что что-то вынуждает его искать, принимать и реализовывать решение. Даже отказ от принятия решения есть то же решение, и оно также должно быть обосновано, пусть этим обоснованием и станет элементарное – *«не хочу...»*. Этим что-то и является состояние неопределенности, в котором субъект не может долго находиться, оно слишком угнетает его, и, кажется, что таким выходом является принятое решение, тем более, что решение кажется самостоятельным, а потому свободным, сообщая уверенность в себе, гордость за совершенное, состояние некой внутренней свободы и независимости. Собственно говоря, это и есть атрибуты ловушки, т.к. все, начиная от переживания неопределенности и кончая реализованным решением, запрограммировано для субъекта и в ситуации, и в нем самом. Уже поэтому можно вполне уверенно рекомендовать каждому – не сопротивляться неопределенности, а принять ее, искать и находить решение, как возврат в определенность, что будет сопровождаться, пусть и временным, ощущением самоудовлетворения. По крайней мере это позволит пребывать в состоянии, когда *«ах обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад»*.

А. Пушкин

Да, принятие решения требует определенных затрат времени и усилий, прежде всего для сбора такого объема информации, который бы уверял – принятое решение необходимо и достаточно обосновано. Нет никаких объективных и тем более единых критериев оценки той информации, которая стала основанием принятого решения. У каждого свой собственный набор этих критериев и любые попутки «обнаружить» эти объективные критерии выглядят как минимум наивно. И даже такой, казалось бы, абсолютный, критерий – «достигнутый результат» – не выдерживает никакой критики уже потому, что неизвестно, каким бы результатом завершилось внедрение другого решения.

Увы, но основанием для обоснования «необходимого и достаточного количества информации» является всего лишь надежда субъекта, на то, что наличие у него соответствующей информации по решаемой проблеме может привести к принятию истинного решения. Вот только эта надежда ... ничем не обоснована. Но именно она является одной из важнейших составляющей информационного обеспечения, той составляющей, которая «отвечает» за информационное обоснование будущего решения. Без такого обоснования решение не будет принято, т.к. обоснование – это прежде всего ответы на вопросы – почему необходимо принять решение и зачем это решение было принято. И простого ответа – *«я так хочу..., мне это нужно ...»* недостаточно.

...

Бог в деталях, а дьявол – в крайностях. И.Гёте

Больше всего убеждают в истинности данных о проблемной ситуации ее детали. И их почти всегда не хватает. Необходимость детальной информации связана с особенностью восприятия – как кажется, детали позволяют максимально точно определить место и значимость проблемы в пространстве существования, а их отсутствие оставляет неопределенность. Вот только обычно забывается, что детализация информации верный путь к возрастанию неопре-

деленности проблемы и неопределенности будущих последствий от принятия и реализации решения.

И в этом нет ничего парадоксального. Переоценка значимости деталей в информационном обеспечении, почти всегда приводит к «окончательной оценке» поступивших данных. Это очень просто – детали обычно бывают столь убедительными в своей конкретности, что блокируют их дальнейшую интерпретацию. Например, получение сведений о количестве самолетов у противника, разнообразии их моделей и т.п., позволяет сделать «окончательный» вывод о его мощи. А дальнейшая интерпретация кажется бессмысленной. Итак, все ясно.

Детали убеждают и соблазняют возможностью оценочного вывода. И лишь способность субъекта увидеть иллюзорную убедительность любой оценки, спасает от возрастания неопределенности, размеры которой зависят от масштабности предлагаемых оценок. И тогда оказывается, что детали имеют вторичную функцию при принятии решения. Куда в большей степени, они «отвечают» за оправдание будущего решения, когда субъект получает возможность оправдаться за неверное решение или какие-то его неверные составляющие – *«ведь у меня были вот эти сведения и я не мог их игнорировать...»*.

Какая-либо информационная деталь о решаемой проблеме может и должна быть учтена только в том случае, если она встраивается в общий информационный конструкт, становится неразрывной его частью. И тогда... она перестает быть деталью, ничем не выделяясь среди других информационных компонентов. Но если такого встраивания не происходит и, тем более, если оно в принципе оказывается невозможным, то субъект вынужден принимать решение – игнорировать такую деталь или подвергнуть сомнению истинность всей встраиваемой им информационной конструкции, с возможным последствием – отказаться от нее и необходимостью все начинать заново.

Однако, субъекту довольно трудно отказаться от детали, она остается в его памяти, постоянно напоминая о себе. Он воспринимает такую ситуацию, как собственную неспособность понять проблему. И тогда поступает очень просто – он переключает информационное обеспечение на сбор данных о самом себе, о своем понимании проблемы, о ее значимости для своего существования и т.п. Это весьма похоже на рефлексию субъекта по поводу решаемой проблемы, что почти всегда заканчивается для него весьма печально. Решение не принимается, а действия приобретают спонтанный, эмоциональный характер.

В результате он оказывается в собственной виртуальной реальности, которую, как ему кажется, он полностью контролирует. Вот только цель информационного обеспечения в этой ситуации способна перейти в самоцель, а субъект может попасть в «рабство» к себе самому. Причем неопределенность проблемы существенно не уменьшается, а главным негативным результатом подобной переориентации информационного обеспечения является постоянно и все более возрастающее опоздание – ситуация меняется быстрее чем субъект получает сведения о ней.

...

Суха теория, мой друг, но древо жизни зеленеет... Гёте

На каком-то этапе информационного обеспечения решения проблемы субъект может оказаться в положении, когда имеющейся, с его точки зрения, информации явно недостаточно для принятия решения, а развитие проблемы требует срочного ее разрешения. И тогда оказывается, что наличие или отсутствие информации не имеет абсолютного значения для принятия решения. Субъект готов смириться с недостатком информации по проблеме. Он продолжает считать ситуацию неопределенной и готов принять решение, так сказать, на свой страх и риск. При этом он выбирает действия, которые в любом случае восстановят определенность, пусть последствия от такого решения и принесут негативный результат. И основанием для такого решения будет доминирующий для него здесь и сейчас контекст.

Контекст не только управляет интерпретацией. Он доминирует над информацией в процессе принятия решения. «Победить» контекст может только... его абстрактность. При этом «побеждают» конкретные сведения о проблеме, которые признаются фактами действительности и опровергнуть их абстрактный контекст просто невозможно. Таким абстрактным контекстом почти всегда являются идеологические установки и, в целом, та социальная идеология, которая превращена в абсолютную идеологию социума, признанную единственной истиной.

Абстрактный контекст – *abstract context* навязывается социуму и каждому субъекту для автоматического исполнения без критического осмысления. Он «работает» какое-то время, чтобы затем быть замененным другим абстрактным контекстом, т.к. без него социум не может эффективно функционировать и обеспечивать свое существование – успех, коммунизм, светлое будущее, общий путь...

...

Информационное обеспечение принятия решения оказывается максимально результативным только в том случае, если ее **доминирующий контекст – *dominant context*** соответствует основной тенденции эволюции решаемой проблемы, а те, особо значимые ценности, которыми будет руководствоваться субъект при интерпретации получаемых сведений, станут основой принимаемого решения. Так, доминирующим контекстом может быть страх или осознание своего долга. При этом решение будет приниматься именно в рамках этого контекста, а достигнутая в результате решения определенность является всего лишь одной из возможных определенностей. Но она будет доминирующей, в то время, как всякая иная определенность, которая могла бы быть достигнута в рамках иных контекстов и иных алгоритмов интерпретации, будут касаться только некой части решаемой проблемы, продуцируя новые неопределенности, которые все равно придется каким-то образом устранять.

Доминирующий контекст всегда:

- ситуативен – определяется основным смыслом проблемной ситуации «здесь и сейчас»,
- базируется на «узнавании» получаемых сведений через их идентификацию с уже имеющимися знаниями и представлениями.

При этом ничего не изменяется в функционировании **закона неопределенности информации**, в соответствии с которым, чем более определеннее будет информация, произведенная в рамках доминирующего контекста, тем более неопределеннее будет информация, произведенная в рамках иных контекстов. Следствием этого закона является постоянство общей неопределенности существования субъекта. Неопределенность способна уменьшаться только в коридоре используемых контекстов и алгоритмов интерпретации.

При этом субъект обречен на пребывание в пространстве, где господствуют доминирующие контексты, принятые большинством социума в качестве, так сказать, руководства к действию. Не осознавая принципиальную невозможность достижения цели собственной эволюции в условиях абсолютной автономности собственного существования, субъект удовлетворяется самообманом в виде внешней автономности от социума с переносом зависимости от него в закрытый от самого себя мир самого себя.

Несмотря на казалось бы длительный путь своей эволюции и принеся несоразмерную плату за эту эволюцию в виде физического уничтожения таких же как он, количество которых всегда будет превышать количество живущих здесь и сейчас, каждый субъект продолжает оставаться всего лишь единичной частицей с неизменным сознанием, которое пытается определиться с собственными ценностями и целями, надеясь на их достижение и всякий раз считая это достижение результатом, чтобы в следующий момент убедиться во временности и одиночности такого достижения, продолжая оставаться и подтверждать причинность себя в качестве источника потенциального хаоса.

Подлинное решение принимается только в состоянии полной обособленности (одиночества), осознанного желания, доведенного до стадии необходимости. Именно и только в таком

состоянии субъект способен превратить свое существование в стремление реализовать себя в виде исполнения желаний в принятом и готовым к реализации решении. И тогда он превращается в «пещерного» субъекта, движимого физиологическим реагированием на самого себя. При этом восстанавливаемая всякий раз после принятия решения определенность становится причиной закрепленности новых решений. Они становятся в подчинение ставшими доминирующими контекстам и алгоритмам интерпретации.

И если это так, то возникает естественный вопрос о возможности принятия так называемого коллективного решения. Оно, по определению, должно объединять личные интересы каждого в некий групповой интерес, что в принципе невозможно. Так называемый групповой интерес есть выражение, декларация отношения группы к чему-то или кому-то, например, искреннее выражение заинтересованности в сохранении мира. Вот только при анализе этого интереса обнаруживается существенное расхождение в его индивидуальном понимании.

В силу каких-то условий, каждый член группы вынужден интегрировать свое понимание в коллективное понимание проблемы и принятое на этом основании решение. При этом он «выравнивает» свой интерес с групповым интересом, и, тем самым, остается со своей нереализованной частью понимания этого решения, которая, как свободный радикал, продуцирует мутацию его контекстов и алгоритмов интерпретации. Он оказывается вовлеченным в эффект *«не до...»*, когда субъект чувствует свою ущербность от отсутствия полного удовлетворения от принятого решения. И будет пытаться устранить эту неудовлетворенность любыми способами. Такова цена социализации субъекта и возможные последствия в виде его асоциального поведения.

...

Коварство неопределенности решаемой проблемы может проявляться и в ее способности «обращать» субъекта против самого себя. Это зачастую происходит в ситуации, когда субъект пытается определить причину своей длительной неспособности принять решение. Он ищет «врага», который препятствует этому поиску и постепенно находит его в собственном лице. Неопределенность оказывается сильнее и истощает ресурс субъекта, его способность анализировать самого себя, свои чувства мысли, состояния и т.п. Поступающие сведения о проблеме, вместо искомых ответов на те или иные вопросы, вызывают новую неопределенность, заставляя сомневаться и отказываться от уже, казалось бы, понятого.

Этот процесс может быть столь длительным и утомительным, а, главное, безрезультатным, напоминая движение по замкнутому кругу, что выглядит как аутоагрессия – «самопоедание», самоуничтожение человеком самого себя. Он не находит необходимой ему информации и не производит ее сам, той информации, которая только и способна вывести его из круга внутренних противоречий и ненайденных ответов. Информационное обеспечение в таком случае оказывается несостоятельным. Более того, оно отвергает как несостоятельные все технологии интерпретации информации и те контексты, которые могли бы стать основой для алгоритмов интерпретации. Но у субъекта в данный момент нет никакой иной технологии принятия решения и он, сам, того не желая и не осознавая, расширяет поиск все новых сведений, обращая его против самого себя.

Казалось бы, изначальная, нерушимая уверенность субъекта в возможности и необходимости принятия решения по уничтожению проблемы по мере получения все новой информации должна только усиливаться. Однако, это бывает не всегда именно так. Именно новая информация способна разрушать эту уверенность, не просто вводя субъекта в полосу сомнений и колебаний, но вызывая сомнения в саму возможность решить проблему своими силами.

Так всех нас в трусов превращает мысль,

И вянет, как цветок, решимость наша... В.Шекспир

Производимая информация способна приводить к «опустошению» того, что уже сложилось в некую картину и намечающееся решение. Этот процесс опустошения изначальной решимости

мости решить проблему начинается с того момента, когда то, что есть, но не существует, развивается постепенно и неуклонно, под воздействием «фактов действительности», а в реальности – под влиянием этой существующей реальности, теряет свои позиции, уступает так называемой логике прагматизма, избыточной рациональности «обыденного рассудка», который, в конечном итоге, и побеждает.

пока во внимание принимаются лишь «факты», которые истинны всегда лишь частично, а потому вводят в заблуждение ... М.Хайдеггер

Эта, так называемая «победа» объективности над субъективностью, на самом деле дорого обходится субъекту. Она достается объективности, а не ему самому, и он не подучает того самого подтверждения себя, своего «Я», в котором остро нуждается, приступая к поиску решения. Да, решение принято. И оно бывает вполне эффективным. Но не удовлетворяющим субъекта, ресурс решений которого неуклонно уменьшается.

И тогда у субъекта появляется возможность принять, так называемое, *простое решение – a simple solution*.

Есть главный секрет успеха, с которым не может потерпеть неудачу ни один человек. Его имя – простота, уменьшающая каждую проблему до самого простого. Г. Детердинг

В повседневной практике достаточно широко распространены представления о необходимости максимально упрощать возникающую проблему и принимать соответствующее ей простое решение. При этом за основу предлагается принять идею У.Оккама – *«Не следует множить сущее без необходимости.»* Вот только как определить, что есть сущее для данной проблемы и где границы этой необходимости? В результате красивая и где-то таинственная фраза, привлекая, остается нереализуемой в повседневной практике.

Простое решение, видимо, подразумевает использование минимального количества информации, непротиворечивых алгоритмов интерпретации и отказ от дополнительных проверок и перепроверок получаемых сведений. Ну и, конечно, отказ от сложных причинно-следственных связей, ограничиваясь тем, что «лежит на поверхности» и потому кажется наиболее убедительным. Но даже это не освобождает принятие решения от поиска обоснований будущего решения и некоего текстуального оформления этого обоснования, и акта согласия с тем, что решение верное, т.е. признания этого решения соответствующим действительности в виде однозначного согласования решения со своими индивидуальными ценностями, убеждениями, нормами и т.п.

В этой, своей, можно сказать, психологической, части принятия решения, возникают, иногда неразрешимые, трудности, когда казалось самое простое по своему содержанию и значимости решение сложно воспринимается и принимается субъектом. Обычно это происходит, когда проблема «приводит» субъекта к решению, воплощение которого, т.е. конкретные действия и операции, входит в противоречие с его принципами, убеждениями, взглядами и т.п. Возникает *психологический диссонанс – psychological dissonance* принятия решения, который, как «кажется» субъекту, вообще не может быть снят.

Большинство подобных диссонанс скорее ощущает, чем осознает, что, однако, не устраняет потребность самовыражения в подчеркивании собственной индивидуальности. И большинство пытается, каждый по-своему, найти выход из этого противоречивого состояния путем элементарного выбора между принятием решения и сохранением собственного «Я». Обычно ничего из этого не получается и проблема решается сама собой – субъект поступает так, как складывается ситуация мгновения, здесь и сейчас и действует, откладывая на потом определение правильности избранного пути.

Принятое таким образом, так называемое, простое решения, также является формой реализации субъектом самого себя, что вовсе не делает принятие решения простым повседневным делом. При этом действительное самовыражение не есть некое оригинальное выражение

самого себя в необычной форме. Самовыражение, прежде всего, в степени самостоятельного осмысления проблемы и себя, как ее части. Только при этом решение становится частью эволюции проблемы, впрочем, как и эволюции самого себя. Решение без такого последствия не может считаться решением, а будет всего лишь формой адаптации.

Энергия неопределенности способна трансформироваться в энергию решения/действия. И это есть победа субъекта над проблемой. А.Кайрос

СУММИРУЯ -

1. интерпретировать можно все, однако любая интерпретация ситуационно зависима, работает только с тем, что «узнает», а результат всегда менее определен, чем его первоисточник;

2. социум всегда «помогает» субъекту, настоятельно предлагая свои модели понимания происходящего;

3. неопределенность, в которую погружен субъект, блокирует его деятельность и вынуждает его действовать, собирая сведения для принятия решения;

4. кажется, что неопределенность уничтожается через а)информационное обеспечение, б)произведенную информацию, в)предлагаемый вариант определенности;

5. принимаемое на основании произведенной информации решение выражает тот смысл решаемой проблемы, который «видит» автор решения;

6. собранные данные о проблеме, произведенная на их основе информация, принятое решение и достигнутые результаты выражают... автора решения здесь и сейчас;

7. принимаемое решение «готово» опираться на те сведения, которые признаны фактами;

8. решение может быть принято даже при отсутствии необходимых данных о проблеме, на основании доминирующих контекстов.

5. Информация – information

источник, потребитель, исходные данные, алгоритм интерпретации, производство информации, контекстуальный смысл, избыточная информация, застревание в наличном, информационная платформа наше знание хоть и проистекает из опыта, но совершенно невозможно без наличия у познающего субъекта априорного знания. И. Кант

Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее, говоря по правде, совсем иною. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. М.Монтень

Нет никакой необходимости впадать в дискуссию относительно того, что такое информация. Вполне допустимо не искать какого-то единообразия, а предоставить право каждому предложить свое понимание в соответствии с избранным контекстом. Тем более, что в настоящее время разброс в точках зрения уже достаточно велик, вплоть до их несовместимости. Это и обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему (Н. Винер); отрицание энтропии (М. Бриллюэн); коммуникация и связь, в процессе которой устраняется неопределенность (К. Шеннон); передача разнообразия (У.Р. Эшби); мера сложности структур (А. Моль); переход или перевод системы в одно из возможных для нее состояний, в результате получения и передачи информации; вероятность выбора (И. Яглом) и т.п.

Мы говорим о процессе информационного обеспечения принятия решения, в основе которого обработка характеристик, сведений о решаемой проблеме, т.е. любое их преобразование из одного вида в другой, как акт коммуникации между *источником и потребителем*. Источником является все то, что предоставляет характеристики проблемы, т.е. *исходные данные*. Потребитель исходных данных – любой, кто воспринимает предлагаемые исходные данные и преобразует их в *информацию*. Источник, в каких-то ситуациях, становится потребителем, а потребитель способен выступать в качестве источника.

Предлагаемые источником сведения являются для потребителя исходными данными, которые могут после их интерпретации стать информацией (*производство информации*). И тогда интерпретация есть трансформация исходных данных через их осмысление, в виде преобразования объективных характеристик решаемой проблемы в субъективную ее характеристику. Это преобразование исходных данных по форме и смыслу преследует цель – получить средство устранения неопределенности через принятие решения.

Обработка исходных данных может происходить без их интерпретации и представлять собой изменение их формы или содержания. Но без интерпретации исходные данные не могут быть осмыслены, т.е. переведены в состояние готовности к использованию для принятия решения. Не подвергшиеся обработке или не прошедшие ее исходные данные становятся информационным шумом, и либо «вымываются», либо складываются. Обработка без интерпретации – это преобразование до уровня максимального восприятия и воздействия (кодирование, декодирование и т.д.) или целевое изменения формы (структуры) и смысла исходных данных для максимального воздействия на принятие решения.

Интерпретация – это основной вид преобразования исходных данных в информацию по *алгоритму интерпретации*. Алгоритм формируется контекстом, в основе которого некий единый *контекстуальный смысл*. Если это так, то информационное обеспечение принятия решения следует рассматривать на основании следующих исходных положений:

1. Решение принимает сам субъект. По крайней мере в абсолютном большинстве случаев он так считает. В этом уверен и социум субъекта, всегда готовый приписать решение кому-то персонально в стремлении найти конкретного ответственного за решение и его последствия. Даже тогда, когда решение кажется вынужденным и принято под давлением обстоятельств

субъект остается автором решения даже тогда, когда затем отказывается от него. Никакого коллективного решения не существует, а всякое объяснения так называемого «коллективного решения» есть попытка придать ему ложно демократический и патетический характер, связанный по большей мере со стремлением авторов избежать ответственности и сохранить себя в системе властных полномочий.

2. Решение принимается в конкретной жизненной ситуации, совокупности условий существования, которая оценивается субъектом, как объективная реальность, воспринимаемая «здесь и сейчас». При принятии решения субъект разделяет: – ситуацию, считая, что она предлагает ему жесткую обусловленность причинно-следственных связей, – и самого себя, способного, в лучшем случае, реагировать на изменяющиеся обстоятельства или, достаточно редко, что-то менять в них.

3. Субъект способен воспринимать параметры конкретной жизненной ситуации, реагировать на нее, регистрируя в этих реакциях собственную индивидуальность. Поступая к субъекту, они становятся исходными данными, требующими соответствующей обработки. Эти данные не являются информацией, но способны уменьшать у субъекта его ощущение неопределенности ситуации. И субъекту может казаться, что уровень неопределенности уменьшается по мере увеличения количества таких данных.

4. Результаты восприятия ситуации не могут соответствовать действительным ее параметрам, т.к. определяются индивидуальными особенностями технологий восприятия.

я не в состоянии схватить какую-либо вещь как существующую, если я до этого не испытал себя существующим в акте схватывания... Искать сущность восприятия значит объявить с самого начала, что восприятие есть не что-то предположительно истинное, но имеющийся в нашем распоряжении доступ к истине. М.Мерло-Понти

5. Восприятие действительности реализуется в конкретных данных, фиксируемых памятью и «передаваемых» для интерпретации.

вопрос не в том, воспринимаем ли мы в действительности мир, напротив, все дело в том, что мир и есть то, что мы воспринимаем. Вообще говоря, вопрос не в том, являются ли наши очевидности истинами, не в том также, не является ли, в силу какого-то порока нашего разума, то, что для нас истина, иллюзией в отношении какой-то истины в себе: ибо ежели мы говорим об иллюзии, значит мы распознали иллюзии, что было возможно сделать лишь от имени какого-то восприятия, каковое в тот же самый момент удостоверялось как истинное, так что сомнение или боязнь заблуждения подтверждают нашу способность разоблачать заблуждения и, следовательно, не отделяют нас от истины. М.Мерло-Понти

6. Информация «появляется» в процессе «транспортировки» поступающих результатов восприятия решаемой проблемы (данных о проблеме) в их интерпретацию, которая осуществляется под управлением доминирующих для субъекта здесь и сейчас контекстов. Достигнутые результаты создают, формируют и развивают нематериальный мир субъекта, основой которого являются знания.

7. При этом интерпретация – это технология обработки поступающих данных, а контекст – информационная конструкция, нецеленаправленно формируемая самим субъектом, либо «переданная» ему его социумом в качестве управляющей структуры технологии интерпретации.

8. Поступающие данные есть характеристики (параметры) проблемы и не являются при этом информацией. Они не ложны и не истинны, и способны достоверно или не достоверно формировать представления субъекта о проблеме. Ложными данные о проблеме становятся в том случае, если восприятие субъекта не способно отразить параметры проблемы в их соответствии действительности. В значительно большей степени такие данные «говорят» о способ-

ности субъекта воспринимать реальность происходящего. Но субъект не способен абсолютно точно воспринимать реальность.

9. Любой контекст интерпретации в первую очередь определяет новизну, актуальность, потенциал поступающих данных, т.е. их соотношение с уже имеющейся информацией по проблеме. Результатом этого является признание их значимости для принятия решения. Следующим является вопрос об их достоверности и в случае установления их соответствия действительности субъект включает их в процесс интерпретации для производства информации по проблеме. Те поступившие субъекту данные, которые не «нашли» соответствующего им контекста, так и остаются всего лишь данными, не став информацией.

10. Получаемая в результате интерпретации информация всегда существенно меньше объема данных, характеризующих решаемую проблему, что связано с потенциалом восприятия субъекта и рамками используемых им для интерпретации контекстов.

11. Данные становятся основой для принятия субъектом решения только после их превращения в информацию. Однако субъект не ставит перед собой какую-то специальную цель по трансформации данных в информацию. Этот процесс происходит практически автоматически, а субъект пытается управлять им, контролируя подбор соответствующего контекста и отслеживая интерпретацию данных в рамках этого контекста.

12. Субъект не рассматривает свои действия по информационному обеспечению принятия решения (сбор данных по проблеме, их обработка и т.п.), как целенаправленные усилия по созданию платформы принятия «правильного» решения. Он искренне уверен в том, что стремится достичь некоего состояния «понимания» решаемой проблемы, того истинного понимания, которое гарантирует такое решение. Однако, в действительности, в своем будущем решении субъект стремится оправдать-обосновать-объяснить свои будущие действия, их необходимость и вероятность достижения желаемого результата. Т.е. в произведенной им самим, в результате интерпретации поступающих данных о проблеме, информации он ищет ответы на вопросы: почему он должен, что-то делать?, что он должен делать?, зачем он должен это делать?, и т.п. Эта произведенная информация в своей совокупности (**информационная платформа принятия решения**) сообщает будущим действиям их смысл. И этого субъекту оказывается вполне достаточно.

13. Производя информацию о проблеме, субъект творит собственный мир, воплощая себя в нем и потому «всегда» оказывается прав. **Каждый человек прав в рамках самого себя. Ж.Батай** Он не может иначе. А признание совершенного ошибкой может случиться потом, после получения новых данных, смены алгоритмов интерпретации и используемых контекстов.

14. Произведенная субъектом информация не может быть передана субъектом кому-либо другому. Она для всех является точкой зрения субъекта, т.е. характеризует автора информации и его отношение к проблеме.

15. Таким образом, информационное обеспечение направлено на возвращение субъекта в состояние определенности, разрушенной возникшей проблемой. При этом создание субъектом информации по проблеме мешает созданию информации по другим проблемам, актуальность которых для него не однозначна.

16. Невозможна бесконечно точная информация о том или ином параметре решаемой проблемы, т.к. это требует столь же бесконечного количества данных. Для субъекта решаемая проблема равна объему информации о ней здесь и сейчас. Данные о проблеме есть фиксация в пространстве и времени каких-либо ее параметров (характеристик) здесь и сейчас и связаны с особенностями и механизмами восприятия именно эти данные.

17. Данные есть нематериальные объекты восприятия, выделяемые субъектом в требующей своего решения проблеме из-за ее неопределенности.

18. Эти данные всегда субъективны, т.к. выделяются субъектом при наблюдении проблемы и в большей степени связаны не с действительными ее состояниями, а с возможностями субъекта распознать эти характеристики.

19. Возможности восприятия исходных данных о проблеме ограничены. Сосредоточение внимания на получении одних характеристик проблемы ограничивает возможности получения данных о других ее характеристиках.

20. В каждый момент информационного обеспечения решения проблемы эта проблема равна произведенному объему информации – это сейчас вот так и никак иначе.

21. Данные о проблеме есть результат фиксации в пространстве и времени каких-либо ее параметров (характеристик) и, как минимум, относится к особенностям мышления, механизмам восприятия субъекта, выделяющего именно эти данные. Кажется, парадоксом то, что стремление к максимальной истинности характеристики проблемы оборачивается осознанием ограниченности своих возможностей в достижении этой истинности, ограниченности, которую невозможно преодолеть.

...

Обычно главной проблемой информационного обеспечения принятия решения считается недостаточность информации, ее качественное несоответствие ожиданиям, значительные затраты усилий и времени на ее получение, малая эффективность этого процесса и т.п. Все эти «обвинения» можно считать вполне обоснованными, и в то же самое время ошибочными. Действительно, главной проблемой информационного обеспечения является его превращение в «голую» технологию сбора и обработки информации. Если это происходит, а это случается очень часто, собственно говоря информационное обеспечение превращается в набор информаций, с которыми субъект иногда не знает, что делать.

В основе решения могут быть только знания проблемы и всех ее составляющих, знания, которые производятся субъектом из информации о проблеме. Этим и завершается, чисто формально, информационное обеспечение, которое, на самом деле, продолжается вплоть до полной реализации всего потенциала принятого решения.

Какая-либо остановка этого познания превращается в **«застывание в наличном» (М.Хайдеггер)**, когда субъекту кажется, что он достиг своей цели, получил всю возможную и необходимую информацию и владеет готовым решением. Это и есть его наличное обладание решением здесь и сейчас. Парадоксально, но оно может быть вполне практичным, выполнимым и успешным, но лишь применительно к этой ситуации здесь и сейчас. Уже в следующий момент все изменится и останется в прошлом. Либо же полученные от внедрения такого решения последствия будут ни ко времени, ни к месту.

...

Особый интерес для принимающего решение субъекта должна представлять **избыточная информация – *redundant information***, которую, по аналогии, можно назвать «мусорной» информацией. Обычно это та часть информации по решаемой проблеме, которую субъект не включает в процесс принятия решения, считая, что она по своей значимости, достоверности, полноте может быть исключена из этого процесса. Таким образом, это оценочная, субъективно незначимая информация, которой можно пренебречь. Она в том или ином количестве, всегда присутствует и сопровождает процесс принятия решения и уже одним этим должна привлекать внимание субъекта, который должен бы задаться вопросом о причинности такого сопровождения. Более того, при тщательном анализе оказывается, что субъект самостоятельно создает эту избыточность, идя на то, чтобы какую-то часть информации по проблеме выделить в качестве избыточной, даже тогда, когда она, по своему содержанию, вовсе таковой не является.

Избыточность информации весьма странный феномен. Такая информация не только постоянно сопровождает процесс принятия любого решения, но служит как бы фоном той информации, которая является основой принимаемого решения. В действительности, ее необ-

ходимость связана с решимостью субъекта принять решение, т.к. она как бы подтверждает – собранной информации достаточно для этого, т.к. она избыточна. Ее наличие не только количественно подтверждает возможность принятия решения, но и качественно подчеркивает эту возможность – качество информации подтверждается существованием другой информации, качество которой, как кажется субъекту, не достаточно однозначно подтверждает истинность будущего решения.

СУММИРУЯ -

- информация производит субъект интерпретируя исходные данные;
- произведенная информация трансформирует неопределенность решаемой проблемы в определенность принимаемого решения;
- интерпретация производится по алгоритму, технологии преобразования исходных данных в результате их осмысления;
- алгоритмом интерпретации управляет доминирующий контекст;
- произведенная информация способна выступать в качестве информационной платформы принятия решения.

6. Зависимость

-
dependency

истолкование, аддикция, информационный тупик, безусловность принимаемого решения, информационная зависимость

Суета – попытка быстро восстановить утраченную определенность. П.Сэлфинг

Трудно найти то, от чего субъект не зависит. Кажется, что он зависит от всего, но, возможно, самое обидное для него – зависимость от собственного, так называемого, понимания, ведь понимание должно делать его свободным и независимым. Но эта зависимость обязательно когда-то проявляется, опосредовано, через информационное обеспечение принятия решения, когда субъект заверяет себя – понять проблему, ее причины, следствия, понять, что следует делать в проблемной ситуации, он сможет только при наличии у него достаточной информации.

В свою очередь получить эту информацию он сможет только из объективной реальности с помощью своей способности адекватно воспринимать ее, пытаясь избавиться от своей субъективности, чего достичь в полной мере практически невозможно. В результате понимание проблемы всегда находится где-то между существующим объективно и несуществующим, в виде представления субъекта об этом существующим. Их соотношение и будет определять то, как субъект определяет истинность проникновения в проблему, результатом чего может стать его восклицание: **«Я понял!»** Впрочем, оно далеко от истины, когда, в действительности, за таким восклицанием больше самоутверждения, чем познания.

Только информационное обеспечение «знает», что в информации субъекта о проблеме и в принятом им решении никогда не бывает «чистой объективности», точно также, как и «чистой субъективности». Это всегда некая «смесь», а восклицание субъекта о своем понимании следует отнести не к действительному пониманию, а к тому ощущению определенности, которое его охватывает на том или ином этапе сбора информации о проблеме.

...

...от истолкования

Понимание «внешне» очень похоже на познание. Кажется, что оно объясняет субъекту то, что ему непонятно и что сводится лишь к информационному обеспечению, которое в этом случае весьма неполноценно. Субъект не интерпретирует поступающие сведения, а подбирает их так, чтобы они в максимально удобной степени укладываются в уже существующее объяснение проблемы, когда все начинает «сходиться» и можно предложить понятную до убедительности схему объяснения. Она и заменит познание проблемы, на ее понимание, что точнее может быть определено как истолкование.

Результаты истолкования проблемы могут быть стать основанием для принятия решения. Да, неопределенность устраняется, но возникшая определенность уже «отстала» от эволюционировавшей проблемы и ее причин. А это означает, что проблема остается не решенной, а с нее лишь «снято» поверхностное покрывало неопределенности, когда действительная неопределенность «спряталась» и ждет удобного момента, чтобы вновь «возникнуть». При всей ущербности истолкования для понимания проблемы и принятия решения, оно убеждает своей рациональностью и остается очередной симуляцией принятия решения. И тогда оказывается, что человек **«все же совершает только то, что он есть»**. М.Хайдеггер

...

... от рациональности

Истолкование соблазняет своей рациональностью. Оно ориентировано на очевидность, когда возникшая проблема совершенно естественно должна быть решена, а причины ее происхождения связаны с реальным течением объективных обстоятельств.

Субъекту необходимы дополнительные усилия для того, чтобы признать, что причины проблемы в его собственных действиях, поведении, мотивах и целях. Следствием этого может быть чувство вины, которое неизбежно затрудняет принятие решения. Куда проще обвинить во всем стечение обстоятельств, злой умысел окружающих, непреодолимые изменения условий и т.п. Такая причинность признается некой жизненной неизбежностью.

Оказывается, что рациональность, своей очевидностью и способностью с минимальными затратами «решить» проблему, и формирует своеобразную зависимость, способную противостоять реальной необходимости принять решение, заключенной в причинах возникновения проблемы. И это при том, что каждая проблема есть следствие когда-то принятого решения. Даже тогда, когда субъект не обнаруживает этого следствия, оно непременно присутствует в его существовании. Это говорит только о том, что не обнаруженная проблема решает себя сама и субъект не принимает участия в ее решении.

Нет сущего самого по себе, к предмету относится представленность, к происшествиям – вид переживаемости. М.Хайдеггер

...

... от ожидания

Практически любое решение проблемы находится в пространстве зависимостей. Это кажется странным, т.к. кажется, что поиск решения – это путь к свободе, независимости от неопределенности, к ясному пониманию, что и почему происходит, что и зачем следует делать в сложившейся ситуации. Однако с самого начала этого, в принципе весьма оптимистического, пути, субъекта преследует постоянная и неустраняемая никакими результатами зависимость – зависимость от ожидания.

Все оказывается весьма просто. Ожидания преследуют, причем те самые ожидания, которые субъект сам для себя и сформировал, и от которых не может избавиться, прежде всего потому, что они связаны с целями существования, с его смыслами. Это состояние постоянно возвращающегося переживания будущего, которое еще не наступило и вовсе не обязательно наступит, но, кажется, что оно непременно наступит. Ожидание всегда располагается в пространстве неопределенности и переживается как наиболее вероятное, вне зависимости от степени обоснованности. Если ожидание не сбывается, возникает эмоциональная реакция разочарования, а если происходит что-то неожиданное – эмоциональная реакция удивления. Несбывшееся вызывает разочарование, неожиданное – удивление.

Ожидание – это состояние, насыщенное информацией. Именно информацией, а не какими-то сведениями, данными и т.п. Оно оказывается результатом осуществленного субъектом информационного обеспечения собственных эмоциональных переживаний. В результате эти переживания наполняются конкретикой, способной мотивировать его деятельность и, в том числе, принятие решений. Ожидания не продуцируют решения, но выступают как существенно значимый эмоциональный фон, способствуя или препятствуя их принятию. В любом случае ожидания формируются как результат накопленной опытной информации, выступая в качестве пролонгации личного опыта на наступающее будущее, в который хочется верить. Ожидаемое кажется неизбежным развитием ситуации, в которую вложил все, что мог, и потому ее результаты можно прогнозировать.

Несбывшиеся ожидания разочаровывают и связываются чаще всего с некачественной или неполной информацией по проблеме. Крайне редко субъект связывает свои несбывшиеся ожидания со своими способностями производить информацию, воспринимать и обрабатывать сведения, характеризующие складывающуюся ситуацию. При этом основным контекстом становится надежда на успех, который «подбирает» под себя все, что может его подтвердить.

Несбывшиеся ожидания являются в ряде случаев результатом решения, в основе которого не анализ сведений о проблеме, о собственных ресурсах и возможностях восприятия, а именно состояние ожидания-надежды на то, что все будет хорошо, все сбудется. Полностью

избавиться от таких ожиданий невозможно и они, в той или иной степени, будут влиять и на информационное обеспечение, и на принятие решения. Они являются частью той воли к решению, которая становится энергией принятия решения, но они никогда не являются доминирующей частью этой воли. Более того, на завершающем этапе принятия решения ожидания «отступают», приобретая фоновый характер, эмоционально поддерживая субъекта в его уверенности – решение верное и завершится желаемыми результатами.

...

... от информации

Информационная зависимость... Кажется, что это какая-то новая болезнь, появившаяся совсем недавно. Чаще всего она проявляется в виде симптома – «информационного голода», когда руки сами тянутся к пульту телевизора, клавиатуре компьютера или смартфону. Ну как же! Надо знать, что там происходит, что случилось, что ожидается. С непременными советами – как быть, как жить, что думать и как относиться. И вот уже еще чуть-чуть и невозможно оторваться от этого потока, становясь, сначала, частью его, а затем его принадлежностью и, наконец, его собственностью.

И все бы ничего. Нет ничего плохого в том, чтобы быть на волне новостей, быть в курсе событий, участвовать в их обсуждении. И уж тем более обладать информацией для принятия решения. Казалось бы, информационное обеспечение и нацелено на получение такой необходимой информации. А принятие решения непосредственно зависит от такого обеспечения и даже существует некая связь между объемом информационного обеспечения и качеством принимаемых решений. Тогда все очень просто – полноценное информационное обеспечение на основании *«хочу все знать!»* гарантирует правильное решение. Вот только с этим – как повезет.

Дело в том, что потребитель информации всего лишь ... потребитель. И он потребляет не сведения, данные, факты действительности, а именно информацию, которую кто-то произвел и разместил в пространстве коммуникации с намерением или без него, что кто-то эту информацию воспримет и будет ею руководствоваться. В любом случае эта информация может, в той или иной степени, стать руководством к действию, к которому привыкают из-за ее кажущейся рациональности.

При всех декларативных гарантиях, потребитель практически бесправен, а тот, кто заявляет о его, так сказать, «естественном праве знать» или праве не слушать, не смотреть, не читать и т.п., лукавит, т.к. уверен – потребителю ничего не остается, как слушать, читать, смотреть то, что ему предлагается. Или остаться без привычного информационного допинга.

Есть, правда, еще один вариант. Попытаться научиться работать с тем, что тебе предлагают, сделав это умение незаменимой и непременной частью процесса принятия решения. Для этого необходимо стать автором-производителем информации, что требует способности осознать смыслы происходящего.

...

Зависимость от информации (*аддикция addiction* – пагубная привычка, привыкание), т.е. навязчивая потребность субъекта в определенной деятельности – последовательном поведении по получению информации. Она не может оцениваться положительно, т.к. лишает субъекта свободы ... принятия неверного, но собственного решения. Уже потому, что ему предлагается отобранная, пусть и истинная, информация. Степень этой зависимости может быть такой, что субъект оказывается в практической подчиненности и обусловленности принимаемых решений от предлагаемой информации.

Лукавство информационной зависимости проявляется и в том, что она формирует уверенность субъекта в том, что принятое решение «снимает» эту зависимость, а «правильное» решение исключительно его собственное и не связано ни с какой-то зависимостью. Однако новая проблема почти сразу «возвращает» его к информационной зависимости, зависимости,

которая как бы нарастает и продолжает только усиливаться, постоянно обращая в состояние обусловленности принятия решения наличием необходимой, как кажется, информации.

Информационная зависимость вторична. Она формируется в результате постоянной необходимости принимать решения в периодически формирующемся ощущении неопределенности ситуации. Именно неопределенность воспринимается субъектом как зависимость абсолютная. И тогда неопределенность «становится» не отсутствием определенности, а отсутствием информации о действительности, в которую субъект погружен, а «борьба» с неопределенностью становится «борьбой» субъекта за информацию.

...

...изменения зависимости

В контексте принятия решения зависимость субъекта от информации переживается им как постепенное изменение этой зависимости.

Ситуация S-1 – максимальной определенности – отсутствие даже каких-либо признаков наличия проблемы. Вывод об отсутствии информации также информация. На этом основании субъект производит информацию (делает вывод), так сказать, «для внутреннего потребления», о своих «правильных» решениях – его собственное реактивное поведение соответствует действительности, что позволяет ему не вступать в конфликт с условиями существования и с ближайшим окружением и не вызывать его недоумение и, тем более, неприятие.

Такая «чистая» от зависимости ситуация вполне устраивает субъекта. Он не препятствует ее формированию и развитию, стремится поддерживать ее, зачастую «отбрасывая» информацию, которая способна внести какие-либо изменения в оценку происходящего.

Охотник

Слушаюсь, ваше величество. Прихожу я к доктору за успокоительными каплями – и вдруг вижу: комнаты отперты, ящики открыты, шкафы пусты, а на столе записка. Вот она!

Король

Не смейте показывать ее мне! Я не желаю! Я боюсь! Что это такое? Палача отняли, жандармов отняли, пугают. Свиньи вы, а не верноподданные. Не смейте ходить за мною! Не слушаю, не слушаю, не слушаю!

убегает, заткнув уши Е.Шварц

Впрочем, иногда субъект может обнаружить, что такое отсутствие информационной зависимости есть навязанная большинством уверенность в полном благополучии. Субъект готов принять ее из-за ее комфорта, т.к. позволяет «не думать», не ставить вопросы и не искать на них ответа. А проблемы решают сами себя.

Подобная зависимость от избавления от информации формируется как привычка, без специального намерения, в результате повторения одних и тех же действий. При этом происходит отбраковывание тех действий, которые неудобны, малоэффективны, требуют больших затрат, а сохраняются и укрепляются те, которые приносят быстрый и вполне удовлетворяющий результат. Субъект привыкает к одним и тем же источникам информации, доверяет им и весьма консервативно относится ко всему новому. Такая зависимость вполне рациональна, позволяет быстро «снять» возникшую в новой ситуации неопределенность. Ощущение стабильности особенно значимо в условиях «потока информации», который, как кажется, «говорит» о постоянных изменениях условий существования.

Ситуация S-2 – ситуация перехода – с постепенным и непонятным для субъекта возрастанием неопределенности. При этом происходит накопление поступающей информации, которая по тем или иным причинам не может быть усвоена субъектом, т.е. встроена в его, уже сложившуюся, картину той ситуации, в которой он находится. В результате усиливается зависимость субъекта от этой невостребованной информации, однако она не приобретает критического характера, который бы требовал от субъекта решительных, сжатых во времени и про-

странству, поведенческих действий, как условие его дальнейшего существования. Он считает, что ситуация обладает минимальной неопределенностью и вовсе не обязательно совершать какие-то действия, нет необходимости принимать какие-то решения.

Обычно субъект в такой ситуации обращается к собственному опыту, который «подсказывает» – все нормально, информации вполне достаточно для продолжения привычного образа существования. Накопленного опыта хватает для компенсации формирующейся информационной зависимости и поведение остается привычным и вполне «естественным» реагированием на поступающие сведения.

Ситуация S-3 – ситуация накопления – информации, возрастания неопределенности.

Накапливаемая информация о ситуации формирует весьма странную, но достаточно кратковременную, информационную зависимость субъекта – зависимость **«информационного тупика»**, когда количество поступившей информации и ее содержание вполне однозначно формирует состояние необходимости какого-либо ее упорядочивания. Субъект еще не осознает необходимости принятия решения, но полученное о ситуации мешает, все более противоречит представлениям о целесообразности сложившегося характера реагирования. Формируется положение, когда надо либо отказаться от полученной информации, «отбросить» ее за ненужностью, либо приступить к ее обработке для принятия решения.

Неопределенность «информационного тупика» возрастает, проявляя зависимость субъекта от накапливаемой информации, которая касается 1. ситуации 2. того, как она была получена, 3. и ее источников. Этот набор информации формируется самостоятельно, помимо воли и желания субъекта. При этом он практически не контролирует этого и, почти автоматически, привычно отбирает источники сведений, средства и методы сбора и обработки данных, критерии оценки их истинности и способы реализации. А доминирующим становится, как кажется самому субъекту, полное и окончательное его доверие к собираемой информации.

Набор подобной информации продолжает увеличиваться и, благодаря кажущейся рациональности и комфортности сохранения, становится как бы «складом» данных о ситуации, к которому можно обратиться в любое время для поиска ответов на возникающие вопросы. Дело в том, что такая информация не была каким-то образом обработана и в памяти субъекта приобретают качества факта действительности, хотя таковой конечно же не является. Такой ее делает память субъекта, который «очищает» такой «факт» от контекста, в котором он был когда-то воспринят. И в ситуации некоторой неопределенности память услужливо предлагает эти «факты» субъекту для использования.

Постепенно такая информация формирует зависимость субъекта, существенным и негативным образом влияя на выбор им тех или иных реактивных действий. Всякие предложения со стороны ближайшего окружения изменить отношение к такой информации, воспринимаются субъектом как не рациональное. Он начинает считать такую «фактическую» информацию фактором риска, увеличивающим возможность совершать ошибки в выборе поведенческого реагирования.

И действительно, когда-то количество и значимость подобного накопления становится реальной причиной совершаемых поведенческих ошибок и вынуждает субъекта приступить к обработке этой информации. К этому обязывает и максимальная неопределенность, сложившаяся из-за непонимания того, как следует реагировать на продолжающую развиваться ситуацию.

Ситуация S-4 – ситуация обработки – производство собственной информации в контексте восстановления определенности.

Развитие проблемной ситуации происходит в том числе и в результате взаимодействия поступающих сведений и уже накопленной информации. Это взаимодействие становится причиной весьма специфичной информационной зависимости, которая способствует формированию неопределенности существования. В ее основе осознание необходимости привести в соот-

ветствие, примирить поступающие сведения с имеющимися представлениями и ценностями. Без такого согласования субъект не может принять решение, т.к. любой из его вариантов будет внутренне противоречив и привносить в действия субъекта разность в их направлении и целеполагании. При этом главной сложностью такой зависимости становится фактическая блокировка производства субъектом необходимой для принятия решения информации, когда его основные усилия будут направлены на поиск компромисса между различными блоками информации.

Соотнесение информации и достижение внутренней согласованности воспринимается субъектом как возвращение определенности и устранение зависимости. А формирующийся единый блок информации в конечном итоге становится основанием для принятия решения.

Ситуация S-5 – ситуация принятия решения – минимальной неопределенности. Накопление информации сопровождается постоянным изменением своей зависимости от нее. Возрастает неопределенность, выражающаяся в нерешительности, не уверенности в правильности своего поведения, в непоследовательности и постоянном стремлении получить обратную информацию с оценкой происходящего. И она поступает в виде советов, рекомендаций, авторитетного мнения и т.п., «ближнего круга». Но особую, регулирующую значимость нормы и правила, традиции и идеологические установки социума, которые зачастую становятся основными информационными ориентирами принятия решения. Именно социум в первую очередь определяет, как надо и что надо, зачем надо и почему надо на данном этапе принятия решения.

В этом контексте оказывается, что зависимость субъекта связана не просто с наличием или отсутствием информации, а с ее содержанием и степенью ее воздействия на принимаемые им решения. Так, например, в окружении субъекта может появиться авторитет, мнение которого может восприниматься не столько как новая информация, сколько как истина, которой надо следовать. Подобный авторитет не только способен «сообщать» данные по любому вопросу. Его мнение, ничем не доказанное, воспринимается как руководство к действию. И оно может стать самым комфортным и надежным вариантом информационного обеспечения. Стоит только признать его носителем истины. Любопытно, что такой авторитет не рассматривается как какой-то носитель информационной зависимости. Однако, в действительности, он таковым и является. Более того, авторитет «несет» в себе комфорт подобной информационной зависимости, и он бывает настолько значим, что субъект оказывается неспособным к какому-либо критическому отношению к предлагаемым рекомендациям, а принимаемые в соответствии с ними ошибочные решения целиком и полностью оправдываются господством случайности, стечением обстоятельств и т.п. *«Ах, боже мой! Что станет говорить Княгиня Марья Алексевна!»*

А.С.Грибоедов;

«What will Mrs. Grundy say? Что скажет миссис Грэнди?» Т. Мортон

...

Информационная значимость связана и с авторитетом собственного опыта, который, как кажется субъекту, подтверждает истинность накопленной информации. В данном случае мы наблюдаем интересное явление – взаимосвязь и взаимопроникновение опыта субъекта и его отношения (оценки) к нему. Опыт предлагает комфорт наработанных стереотипов реагирования, эффективность отработанных моделей информационного обеспечения и устойчивые воспоминания от принятых когда-то решений. Причем, вне зависимости от достигнутых результатов принятых и реализованных решений (успех/неудача), субъект склонен считать свой опыт абсолютной значимостью. А такую оценку он принимает за истину, т.к. опыт – это то, что действительно было, и было у субъекта, и было совершено им самим и уже поэтому не может не быть истиной. В результате, такая оценка опыта может превращаться в абсолютную доминанту для зависимого поведения, а принимаемые на основании опыта решения становятся «абсолютно истинными».

Все это и формирует информационную зависимость от накопленного опыта, способную любую позитивную результативность действий субъекта предлагать в качестве собственной заслуги, в то время, как она, чаще всего, является результатом случайности, связанной не с информационным обеспечением и принятием решения, а с тем или иным стечением обстоятельств. При этом информационные социальные связи субъекта еще более усиливают значимость накопленного опыта, тем более когда социум обращает внимание субъекта на этот опыт, предлагая считать его основанием для будущих решений.

Но, в действительности, опыт обманывает, создавая иллюзию благополучия, безопасности и комфорта. Более того, обращение к опыту, как к источнику информации для принятия решений, при всей, казалось бы, его комфортности, сопровождается тревогой, панической атакой, стрессом, агрессией. Возможность подобных негативных психологических состояний связана с тем, что наработанные, привычные информационные технологии, почти всегда «приспособлены» к конкретным проблемным ситуациям и в новых ситуациях «вдруг» оказываются не способными к эффективному функционированию. Субъект, как ему кажется, стал «жертвой обмана» со стороны информации, которой он доверял, и которая когда-то доказала свою эффективность. В этом состоянии он испытывает заторможенность, сопровождаемую эмоциональными вспышками и даже агрессией. Он вынужден искать новую информацию и ощущает зависимость от этой необходимости.

...

Кажется, бессмысленно отрицать информационную зависимость субъекта, тем более при принятии им решения. Она выражается в:

- уверенности субъекта – без информации он не сможет принять решение, разрушить неопределенность и восстановить определенность;
- решение, которое принимает субъект, основано на той информации, которую он произвел, в результате ее производства с помощью интерпретации воспринимаемых сведений о проблеме;
- информация о достигнутых от реализации принятого решения результатах «возвращается» субъекту и включается в его информационную базу для новых решений;
- только с помощью произведенной информации субъект способен обосновать – оправдать – объяснить принимаемое решение и свое реактивное поведение.

...

...О подготовке Германии к войне с нами к середине июня скопилось довольно много сведений. Разумеется, обо всем этом докладывалось Сталину, но он относился к этим сведениям с преувеличенной осторожностью. 21 июня мне позвонили из Киевского округа: «К пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель. Он утверждает, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления и что война начнется утром 22 июня». ... Одна из важных причин состоит в том, что Сталин был убежден: войну удастся оттянуть, удастся закончить перестройку и оснащение армии. Он опасался, что наши действия будут предлогом для нападения.... Судить о моменте, сложившемся перед войной, надо с учетом сложной международной обстановки того времени. Много было неясным. Англия и Франция вели двойную игру. Они всеми силами толкали Гитлера на восток. Опасаться разного рода провокаций были все основания. Но, конечно, осторожность оказалась чрезмерной. И мы, военные, вероятно, не всё сделали, чтобы убедить Сталина в неизбежности близкого столкновения. ... Война ожидалась уже с 18 июня, все необходимые приказы (в количестве 47 штук) были разосланы к вечеру этого дня. ... В ночь на 19-е июня волна сообщений разведки всех уровней перегрела аппараты Генштаба и Кремля. Г. Жуков

...

Голиков не доверял сообщениям о сроке начала войны, в частности докладывая 20 марта 1941 года И. В. Сталину, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной

этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»

...

«Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране, получал информацию от разведывательных источников напрямую. До 1943 г. во внешней разведке не было отдельной информационно-аналитической службы, способной анализировать получаемую информацию, отсеивать непроверенные и ложные сведения. В результате Сталин получал противоречивые сведения, порой взаимоисключающие, которые не позволили ему сделать правильные выводы. Нежелание Сталина прислушаться к информации внешней разведки и его уверенность в том, что война начнется не ранее 1942 г., в конечном итоге привели к трагическим результатам для нашей страны и народа...» СВР РФ

...

Информационная зависимость сопровождает эволюцию субъекта. Она определяет его работу с информацией, начиная с получения данных по решаемой проблеме и заканчивая принятым решением. При этом такая зависимость как бы распадается на две составляющие – зависимость от истинности используемой для принятия решения информации и зависимость от ее полноты.

Эти зависимости кажутся настолько естественно определенными, что не вызывают никаких сомнений и потребности в осмыслении. Однако за их естественной очевидностью «скрываются» – психологический и качественный компоненты, которые позволяют субъекту превращать их в критерии оценки будущего решения. И это при том, что они не имеют никакой количественной характеристики – субъект крайне редко считает информацию для принятия решения избыточной, предпочитая постоянно пополнять это количество и столь же редко бывает доволен качеством информации, постоянно проверяя ее истинность. В этом смысле «снять» информационную зависимость достаточно сложно. Надо чтобы информация полностью удовлетворяла субъекта в ситуации, когда наиболее распространенным убеждением принимающего решение субъекта является – каждое принятое решение может быть столь же ошибочным, сколь и истинным.

Это и есть своего рода **«величие» невозможности решения»** (М.Хайдеггер), когда убеждение самого себя в истинности принимаемого решения необходимо не для определения действительной его истинности, а для убеждения себя в возможности его принятия и реализации. Естественно это необходимо и для убеждения в этом окружающих, которые, в той или иной степени, будут принимать участие в его реализации.

Удовлетворение от «снятия» информационной зависимости возможно только при условии **безусловности принимаемого решения**, когда субъект готов к тому, чтобы признать истинным решения, которое он считает достоверным, достаточно верным, т.е. достаточным для его использования в принятии решения. В этом случае, субъект, скорее всего при отсутствии возможности получить новую информацию, находясь в дефиците времени, под воздействием, как ему кажется, критической ситуации, на веру воспринимает ту информацию, которой владеет, наделяя ее качеством истины.

Веря в истинность информации и перенося ее на принимаемое решение, субъект фактически снимает с себя ответственность за последствия от принимаемого решения. Он переносит ее на обусловленность существующими условиями и ... теми ресурсами принятия решения, которыми обладает здесь и сейчас. И как ни странно, но любой результат от внедренного решения будет, скорее всего, расценен им как успех, уже потому, что устраняется неопределенность, возникает определенность в том, что и как следует делать дальше. Вера делает такое решение следствием открытой им необходимости, и, как ему кажется, сделает решение успешным или, по крайней мере, определит его невиновность.

В тоже время существует и другой вариант веры в истинность принимаемого решения, когда субъект принимает на себя, полностью и без ограничений, ответственность за него, как решение его личное, субъективное и выстроенное не на каких-то там познанных закономерностях и тенденциях эволюции, а исключительно на его собственной интуиции и опыте принятия решений.

Ущербность веры в истинность информации, как основания принимаемого решения, заключается в том, что она строится на постоянном ее подкреплении в виде признания социумом успеха от полученных результатов. Этот вариант характерен для тех, кто выдвигает *success* в качестве критерия оценки истинности принятого и реализованного решения. Применительно к информационному обеспечению принятия решения успех может быть определен как получение субъектом такого количества и качества сведений с оценкой достигнутых результатов, которое бы безусловно доказывало необходимость и истинность решения. Обычно логика обоснования подобного понимания выстраивается на основании всего лишь предположения о том, что успешное информационное обеспечение почти гарантирует принятие успешного решения, т.е. решения, реализация которого принесет успех – *«так было надо!»*.

Однако, в действительности, такой обусловленности не существует. Но видимая рациональность такого подхода продолжает поддерживать эту иллюзию. Критерий успешности принятого решения никак не подходит для оценки процесса информационного обеспечения. Однако успех «ценен» субъекту, в первую очередь, как особое состояние упоения от его переживания. Оно бывает настолько значимым и всеохватывающим, что способно блокировать не только объективность оценки достигнутых результатов, но и то осмысление информации, которое необходимо для продвижения к истинному решению. Упоение от успеха, как проживание состояния восторга, восхищения (прежде всего самим собой), переводит энергию познания на самого себя, когда интерпретируется не информация о проблеме, а о собственных переживаниях относительно проблемы. В лучшем случае положительным результатом такого переживания для субъекта можно считать некоторое повышение энергетической составляющей информационного обеспечения, которая, впрочем, весьма кратковременна и утрачивается при даже незначительных трудностях понимания.

...

В каких-то проблемных ситуациях, обычно называемых субъектом «тупиковыми», он предпринимает поистине «героические» усилия для того, чтобы «убежать» от проблемы с помощью ... принимаемого решения. Это может показаться странным или парадоксальным, но такова одна из функций решения – оно возвращает субъекту определенность, вне зависимости от того, каково оно – истинно или нет, или всего лишь попытка «закрыться» от так и нерешенной проблемы. При этом субъект почти уверен в том, что достигает сразу двух целей. С одной стороны, он восстанавливает определенность своего существования, определяя характер и направленность своих будущих действий, а с другой стороны, «понимает» сущность происходящего, тем самым совершая некое движение вперед в своем развитии.

Он, конечно же, заблуждается. «Тупиковая» ситуация как раз и связана с неспособностью субъекта здесь и сейчас, т.е. при наличии имеющейся информации, определить ее сущность, что обычно воспринимается, всего лишь, как причинность ее возникновения и дальнейшей эволюции. При этом ситуация «работает», т.е. угнетающее воздействует на субъекта своим кажущимся возрастанием неопределенности, и угрозой «самостоятельного», т.е. бесконтрольного разрешения. Более того, уже имеющаяся информация по проблеме предлагает какие-то варианты будущего решения, соблазняющие своей «очевидной истинностью» – *the obvious truth*.

Вот только критерии, по которым эта истинность может быть определена, еще субъекту неизвестны, и в этом случае ему приходится рассчитывать исключительно на удачу, на везение, что делает будущее решение не подлинным решением, а всего лишь выбором одного из

возможных вариантов, действуя по принципу «*А вдруг...*». Собственно говоря, именно такие действия субъекта и делают ситуацию действительно тупиковой, с реальным отсутствием возможности ее решения.

Находясь под влиянием собственной оценки ситуации, как тупиковой, субъект впадает в иллюзию «легкого решения проблемы» – выбора варианта будущих действий. Эти варианты предлагаются субъекту самой ситуацией и только потом, после, он столкнется с пониманием – исправить достигнутые результаты и последствия такого выбора будет куда сложнее и дорогостояще, чем обеспечить решение проблемы необходимой информацией и, тем самым, повысить вероятность получения требуемых результатов.

Опасность мгновенного понимания информации в том, что оно формирует иллюзию этого «понимания», которая закрывает возможность действительного понимания – «Зачем? Я уже все понял». М.Кнауф

...

Видимо не стоит опасаться зависимости, если она остается управляемой. Зависимость становится действительно опасной для субъекта только в том случае, если она начинает господствовать над ним. Способность информации к господству определяется тем, что, поделившись со своим решением, субъект оказывается под управлением этого решения, которое предусматривает череду действий и событий по определенному в решении направлению, вплоть до полного исчерпания этого решения. Таким образом, решение это уже существование не только в настоящем, но и в будущем – «захват будущего», и, главное, формирование господствующих контекстов восприятия, которые почти гарантируют заданное направление эволюции субъекта. Это господство постоянно подтверждается способностью противостоять постоянному форс-мажору условий существования. Кроме того, господство принятого решения укрепляется и опытом субъекта, который помнит, что всякое изменение решения или, тем более, отказ от него всегда приводит к принципиально худшему соотношению условий и ресурсов.

При таком понимании, господство решения представляет собой размер пространства возможностей получать информацию о проблеме, необходимого для определения закономерностей ее эволюции. А достижение нулевого размера этого пространства и является точкой принятия решения. Субъект «свободен» только по пути к этой точке, достижение которой делает решение необходимым и неизбежным. После этого субъекту предстоит жить со своим решением.

СУММИРУЯ -

– *обязательность принятия решения не зависит от содержания и качества наличной у субъекта информации – решение обязательно будет принято; от содержания и качества наличной информации зависит содержание и качество принимаемого решения;*

– *состояние субъекта (the state of the subject) – характеристика функционирования субъекта здесь и сейчас через определение значимости для него тех или иных его переменных и параметров;*

– *информационная зависимость есть состояние необходимости определить-обосновать-оправдать принимаемое решение;*

– *информационная зависимость вторична, как всякая зависимость от того или иного средства деятельности; субъект испытывает зависимость от того состояния неопределенности, которое возникает у него при изменении условий существования – необходимость возвратится в состояние определенности – «понимания» того, что и почему происходит и что и зачем надо делать;*

– *устранение неопределенности решаемой проблемы возможно только при достаточной информационной обоснованности принимаемого решения; лишь информационная обоснованность позволяет определить (сформулировать) и оправдать принимаемое решение;*

– достаточная информационная обоснованность возможна как результат информационного обеспечения принятия решения, т.е. производства такого количества и качества информации, которое возвращает субъекту состояние определенности.

7. Контекст

-
context

контексты: неопределенности, бессилия, заимствования, отвержения, информационного тупика, врага, отсутствия решения; радикализм.

Мы не можем понять символическое выражение, если уже заранее интуитивно не понимаем его контекст, поскольку неспособны своими силами превратить бесспорно наличествующее фоновое знание нашей культуры в знание эксплицитное (понятное-авт.). Ю.Хабермас

Любой контекст после своего формирования всегда вне субъекта и субъект принадлежит контексту, а не наоборот. П.Сэлфинг

для того, чтобы мыслить границу, нужно мыслить вещи по обе стороны границы... Л.Витгенштейн

Почему-то не вызывает удивление то, что в одних и тех же ситуациях все ее участники принимают разные решения. Это считается вполне закономерным и объясняется различиями в восприятии ситуации, ее оценке и целях участников. При этом принимаемое решение связывают с той информацией, на основании которой субъект принимает решение.

Оказывается, каждый отбирает «свои» сведения и «по-своему» их интерпретирует. И за это отвечает контекст, который часто понимается как позиция, точка зрения, аспект рассмотрения, доминирующая идея и т.п. Каждый в любой ситуации «видит» «свое», то, что здесь и сейчас, является для него самым значимым – смыслом происходящего.

Если это так, то принятое решение будет в большей степени зависеть не от данных и информации, а от того контекста, который выступает в качестве жесткой формой информационной зависимости субъекта. Принятие решения является индивидуальным процессом и различия в принимаемых решениях связаны с различиями в контекстах понимания ситуации. В любом случае, принятие решения возможно только при наличии у субъекта, определенного им самим, контекста рассмотрения ситуации, и именно контекст станет определяющим в том, какое решение будет принято. И субъект не сможет принять решение, если он не определится со своим контекстом.

...

Основанием контекста выступает существующая для субъекта в той или иной степени развитая, некая система ценностей, то, что он принимает, как значимость для себя, как то, что «сообщает» смысл его существованию, определяет его настоящее и будущее и оценивает прошлое. Контекст, рамочно, выделяет – что, как и почему он должен делать так и что делать нельзя.

Контекст «появляется», а, точнее, проявляется, параллельно с формированием проблемы, в конкретных условиях жизненной ситуации – здесь и сейчас, параллельно с формированием проблемы, как результат процесса взаимодействия поступающих к субъекту о ситуации сведений и той информации, которой он уже обладает. Это взаимодействие принимает характер проявленного несоответствия между знанием и незнанием, неизбежно вызывающее почти всегда одни и те же вопросы – *что происходит?*, *что случилось?*, *как быть?*, *кто виноват?* и т.п. С этой «встречи» сведений и информации, обычно и начинается процесс информационного обеспечения, когда субъект приступает к вынужденному «сбору» дополнительных сведений о проблеме, надеясь на устранение возникших несоответствий.

Собственно говоря, это несоответствие вызывает формирование одного из основных контекстов проблемной ситуации – *«контекста неопределенности – context of uncertainty».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.